

Сидни Шелдон. Ангел тьмы

Автор:

Тилли Бэгшоу

Сидни Шелдон. Ангел тьмы

Тилли Бэгшоу

Вот уже в четвертый раз таинственный преступник наносит удар.

И снова все та же схема: убит миллиардер, а его жена изнасилована, избита и прикована к трупу.

И опять жертва – пожилой мужчина, а оставленная в живых супруга – молодая красавица.

Кто следующий в этом списке?

Каким образом удастся убийце опережать полицию на шаг?

И, главное, почему богатые наследницы бесследно исчезают, едва успев пожертвовать все деньги на благотворительность?

Детектив Интерпола Дэнни Магуайр и сын первого из убитых, Мэтт Дейли, начинают расследование, даже не предполагая, в какие лабиринты человеческих страстей, ненависти и мести оно их заведет...

Тилли Бэгшоу

Сидни Шелдон: Ангел тьмы

Моей сестре Элис

Серые волочащиеся крылья,

Азраил, ангел смерти,

И все же души,

Несомые им сквозь мрак и холод,

Видят изнанку этих сложенных крыльев.

И уверены, что они выложены золотом.

Роберт Гилберт Уэлш. Азраил (1917)

Tilly Bagshawe

SIDNEY SHELDON'S ANGEL OF THE DARK

Печатается с разрешения Sidney Sheldon Family Limited Partnership и литературных агентств Janklow & Nesbit Associates и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Sheldon Family Limited Partnership, successor to the rights and interests of Sidney Sheldon, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Часть I

Глава 1

Лос-Анджелес, 1996 год

Ему позвонили около девяти утра.

- Подразделение Восемь-А-семьдесят три? Прием.

- Да, это Восемь-А-семьдесят три. - Патрульный зевнул в рацию. Ночь выдалась длинной, утомительной, проведенной в объездах Западного Голливуда, и ему не терпелось добраться до кровати. - Что стряслось?

- Срочный вызов. Девятьсот одиннадцать. Женщина. В истерике.

- Возможно, моя жена, - пошутил патрульный. - Вчера я забыл о годовщине свадьбы. И теперь она желает закатать мои яйца в банку.

- Ваша жена - испанка?

- Не-а.

- Тогда это не она.

Патрульный снова зевнул.

- Адрес?

- Лома-Виста, двадцать четыре.

– Славный райончик. Что случилось? Горничная положила слишком мало икры на тост?

Дежурный фыркнул.

– Возможно, ДН.

Домашнее насилие.

– Возможно?

– Леди так вопит, что трудно разобрать слова и понять их смысл. Мы посылаем наряд, а вы ближе всех. Как скоро вы и ваши парни могут оказаться там?

Патрульный колебался. Мики, его напарник, смылся со смены пораньше, чтобы развлечься с очередной гламурной шлюшкой на Голливудском бульваре. Мики менял девиц, как другие мужчины – носки. Патрульный вполне сознавал, что не стоило бы его покрывать, но Мики был так чертовски обаятелен, что сказать ему «нет» – все равно что плыть против течения.

И что теперь делать?

Если признаться, что он один, турнут обоих. Но и перспектива приехать на ДН в одиночку малопривлекательна. Разъяренные мужья, как правило, не самые большие поклонники ЛАПД[1 - Полицейское управление Лос-Анджелеса (от англ. LAPD)]. – Здесь и далее примеч. пер.]. Черт!

– Будем в пять.

Ну, пусть только шлюшка Мики окажется вторым сортом!

Дом двадцать четыре на Лома-Виста оказался большим, тянувшимся едва ли не целый квартал зданием в стиле испанской миссии двадцатых годов, стоявшим высоко на Голливудских холмах. Почти незаметные обвитые плющом ворота, врезанные в пятнадцатифутовую стену, не давали представления о скрывавшейся за ними роскоши: широкой извилистой подъездной аллее, садах,

таких огромных и ухоженных, что могли принадлежать скорее загородному клубу, чем частным собственникам.

Но патрульный все это отметил мельком, потому что осматривал сцену преступления.

Распахнутые ворота. Приоткрытая входная дверь. Никаких признаков взлома. И неестественная тишина.

Он вынул пистолет.

– Полиция.

Нет ответа. Когда эхо его голоса замерло, откуда-то сверху донесся тихий стон, словно где-то закипал чайник.

В тревоге оглядевшись, он поднялся по лестнице.

«Пропади ты пропадом, Мики!»

– Полиция! – крикнул он снова, уже громче. Стоны доносились из какой-то спальни.

Он ворвался туда с пистолетом наготове.

Какого хрена?!

Он услышал женский вопль и тошнотворный стук собственной головы об пол. Деревянные доски были скользкими, будто политыми маслом. Только скользкими они были не от масла.

От крови.

Детектив Дэнни Магуайр из убойного отдела пытался скрыть раздражение. Горничная несла какую-то белиберду на испанском, то и дело повторяя el diablo.

Дьявол? Это сделал дьявол? Ничего не понять.

Детектив напомнил себе, что, в конце концов, эта женщина не виновата. Бедняжка была совершенно одна в доме, когда нашла их. Неудивительно, что она все еще в истерике и продолжает что-то выкрикивать. Он едва мог разобрать слова «бедная», «ужасная трагедия»...

После шести лет службы в отделе Дэнни Магуайра трудно было чем-то удивить. Но на этот раз...

Обозревая сцену убийства, Дэнни чувствовал, как бургер, недавно съеденный им в «Ин и аут», рвется в пищевод в отчаянной попытке обрести свободу. Неудивительно, что патрульный, увидевший это, не совладал с рвотными позывами. Здесь явно поработал маньяк.

Если бы не алое море крови, впитывавшейся в доски пола, это походило бы на вооруженный грабеж. Комнату обыскали, ящики выдвинули, шкапулки с драгоценностями опустошили, повсюду были разбросаны одежда и фотографии. Но настоящий кошмар ждал их у изножья кровати. Два тела. Мужчина и женщина.

Первая жертва – немолодой мужчина в пижаме. По горлу полоснули несколько раз с такой яростью, что голова почти отделилась от тела. Связан по рукам и ногам, как животное на скотобойне, веревками, толстыми, как альпинистские канаты. Убийца примотал изуродованный труп к обнаженному телу второй жертвы – женщины, очень молодой и очень красивой, судя по идеальной фигуре, хотя лицо так пострадало от побоев, что наверняка сказать было сложно. Но достаточно было одного взгляда на окровавленные бедра и область паха, чтобы стало ясно: она жестоко изнасилована.

Прикрыв рукой рот, Дэнни подошел ближе. Запах свежей крови становился невыносимым. Но не это заставило его отпрянуть.

– Принесите нож, – коротко велел он горничной.

Та тупо уставилась на него.

– Cuchillo, – пояснил он. – Быстрее! Кто-нибудь, вызовите «скорую»! Она еще дышит!

Нож принесли. Дэнни Магуайр стал осторожно надрезать веревки, опутывавшие два тела. Женщина начала тихо плакать, то и дело теряя сознание. Дэнни нагнулся ниже и почти прижал губы к ее уху. Даже в этом ужасающем состоянии она казалась красавицей, темноволосой и полногрудой, с мягкой молочно-белой кожей ребенка.

– Я из полиции, – прошептал он. – Вы в безопасности. Сейчас доставим вас в больницу.

Когда веревки ослабли, голова старика, как уродливая хэллоуиновская маска, свалилась на плечо Дэнни. Тот едва сдержал рвоту.

Кто-то из следственной бригады тронул его за плечо.

– Определенно вооруженный грабеж, сэр. Сейф пуст, драгоценности исчезли, и несколько картин тоже.

Дэнни кивнул.

– Имена жертв?

– Дом принадлежит Эндрю Джейксу.

Джейкс. Знакомое имя.

– Он арт-дилер.

– А девушка?

– Анджела Джейкс.

– Его дочь?

Коп рассмеялся.

– Внучка?

– Нет, сэр. Жена.

Дэнни мысленно обозвал себя болваном. Ну конечно, она его жена! В конце концов, они в Голливуде. Старина Джейкс, должно быть, стоит целого состояния!

Наконец веревки поддались.

«Пока смерть нас не разлучит», – подумал Дэнни, когда Анджела Джейкс буквально отвалилась от трупа мужа и упала ему на руки.

Дэнни снял куртку, накинул ей на плечи, прикрыв наготу. Она снова пришла в сознание и дрожала.

– Все в порядке, – повторил он. – Вы в безопасности. Анджела, верно?

Она молча кивнула.

– Можете объяснить, что случилось?

Она посмотрела на него, и он ясно увидел, что с ней сделали. Синяки под глазами, один из которых распух так, что не открывался. Ссадины по всему телу. Царапины. Должно быть, она сопротивлялась изо всех сил.

– Он сделал мне больно, – прошептала она едва слышно. Похоже, ее утомляла сама необходимость говорить.

– Не торопитесь, время есть.

Она помолчала. Дэнни выжидал.

– Он сказал, что отпустит Эндрю, если... если я...

Взгляд упал на окровавленный труп мужа, и она разразилась рыданиями.

– Кто-нибудь, ради всего святого, прикройте его! – рявкнул Дэнни. Как можно вытянуть из женщины хоть что-то связанное, если рядом труп мужа?!

– Не можем, сэр. Пока нельзя. Судебные эксперты еще не закончили.

Дэнни метнул на сержанта уничтожающий взгляд.

– Я сказал, прикройте его!

Сержант побледнел.

– Да, сэр.

На тело Эндрю Джейкса набросили одеяло, но было слишком поздно. Его жена в глубоком шоке раскачивалась взад-вперед. Глаза ее остекленели, она что-то бормотала, но Дэнни не мог разобрать слов. Что-то вроде «у меня нет жизни».

– «Скорая» уже здесь?

– Да, сэр. Только что прибыла.

– Прекрасно.

Дэнни отошел подальше от жертвы и жестом подозвал своих людей. Те сгруппировались вокруг него.

– Ей нужен не только доктор, но и психиатр. Офицер Менендес, вы едете с ней. Постарайтесь, чтобы ее сначала осмотрели и получили доказательства изнасилования: мазки, смывы, анализы крови, полный набор.

– Конечно, сэр.

Завтра детектив Магуайр допросит Анджелу Джейкс по всем правилам. Сегодня она не в том состоянии.

- И кстати, возьмите с собой горничную. Я ничего не соображаю из-за ее воплей.

В комнату вошел тощий молодой блондин в очках с роговой оправой.

- Простите за опоздание, сэр.

Детектив Дэвид Хеннинг хоть и выглядел несуразно, считался одним из лучших, наиболее проницательных и логически мыслящих следователей в стране. Дэнни был рад его видеть.

- А, Хеннинг! Хорошо. Звоните страховщикам, пусть составят полный список похищенного. Проверьте ломбарды и веб-сайты, может, что-то всплывет.

Хеннинг кивнул.

- Кто-нибудь, найдите того, кто устанавливал сигнализацию. Этот дом выглядит укрепленным, как Форт-Нокс, но, похоже, киллер вошел сюда без особых трудов.

- Горничная упомянула, что около восьми часов вечера слышала какой-то грохот, - доложил офицер Менендес.

- Выстрел?

- Нет. Я спрашивал, но она ответила, что это скорее было похоже на падение тяжелого предмета мебели. Она уже хотела подняться, проверить, в чем дело, но миссис Джейкс остановила ее и сказала, что пойдет сама.

- И что потом?

- Потом ничего. Горничная поднялась наверх в восемь сорок пять, чтобы, как обычно, принести старику какао. Нашла их и набрала девять-один-один.

Какао!

Дэнни Магуайр попытался представить супружескую жизнь Джейксов – богатого похотливого старикашку, каждую ночь устраивавшего в постели артрозные конечности рядом с гибкой, чувственной молодой женой, а потом ожидавшего горничную с чашечкой какао! Как могла Анджела Джейкс терпеть прикосновения этого мерзкого типа?

Дэнни представил покрытые старческими пигментными пятнами костлявые пальцы, гладившие грудь и бедра Анджелы. И как бы глупо это ни казалось, мысль о чем-то подобном разозлила его.

А может, не его одного? Причем разозлила настолько сильно, что подтолкнула к убийству?

С утра пораньше детектив Магуайр, сгорая от нетерпения, отправился в медицинский центр «Сидерс-Синай». Это было его первое большое расследование убийства.

Жертва, Эндрю Джейкс, принадлежала к высшему обществу Беверли-Хиллз, и подобное дело могло способствовать быстрому продвижению Дэнни по карьерной лестнице – в случае успешного завершения, разумеется. Но вовсе не карьерные соображения подстегивали его, а возможность снова увидеть Анджелу Джейкс.

В молодой миссис Джейкс было нечто манящее, то, что наполняло сны Дэнни прошлой ночью. И дело было не только в ее красоте, в ее созданном для секса теле. Все увиденное им свидетельствовало о том, что девушка была циничной охотницей за деньгами. Но Дэнни отчего-то надеялся, что это не так. Должно же быть объяснение браку с человеком, настолько старым, что годился ей в деды. Магуайр ненавидел подобных «золотоискательниц». Но при этом не хотел ненавидеть Анджелу Джейкс.

– Как пациентка?

Сестра, дежурившая у дверей отдельной палаты Анджелы, с подозрением уставилась на Дэнни:

– А вы кто?

Он сверкнул полицейским жетоном и самой победоносной ирландской улыбкой.

– О! Доброе утро, детектив!

Сестра ответила на его улыбку, незаметно посмотрев на левую руку Дэнни – нет ли на ней обручального кольца. Парень был необычайно привлекателен: сильный подбородок, лазурно-синие глаза и черные кельтские кудри, за которые ее собственный бойфренд, наверное, готов был убить кого угодно.

– Пациентка очень слаба.

– Насколько слаба? Можно ее допросить?

«Можешь допросить меня», – подумала сестра, восхищенная атлетическим сложением Дэнни, его мышцами, которые выделялись под простой белой рубашкой от «Брукс бразерс».

– Можете войти, но помните – никаких волнений. Ей ввели морфий, чтобы облегчить боль в лице. Левая челюсть у нее сломана, и один глаз в скверном состоянии. Но она очень терпелива.

– Спасибо, – поблагодарил Дэнни. – Постараюсь не задерживаться.

Для больничной палаты комната была роскошной. На стенах висели хорошие, хоть и не слишком дорогие картины. В углу стоял стул для посетителей фирмы «Уэсли Баррел», у окна подрагивала изящная орхидея в горшке. Анджела Джейкс лежала на двух пуховых подушках. Синяки под глазами сменили цвет сливы на темную радугу самых разнообразных оттенков. Свежие швы на лбу придавали ей не слишком приятный вид портновского манекена, но она по-прежнему поражала красотой. Дэнни влекло к ней, как ни к одной женщине на свете.

– Здравствуйте, миссис Джейкс. – Он снова взмахнул жетоном. – Детектив Магуайр. Не уверен, что вы меня помните. Мы встречались вчера ночью.

Анджела слабо улыбнулась:

– Конечно, я помню вас, детектив. Вы дали мне куртку. Лайл, это полицейский, о котором я вам говорила.

Дэнни круто развернулся. Позади, у стены, замер самый красивый мужчина, которого Дэнни когда-либо видел по эту сторону киноэкрана. Высокий, со смуглой кожей, идеальным орлиным носом, смолянисто-черными волосами и синими глазами, миндалевидными, как у сиамского кота. Он неодобрительно щурился на Дэнни. На нем был дорогой, сшитый на заказ костюм, и при каждом его движении казалось, что по озеру разливается масло, гладкое, текучее, почти вязкое.

Дэнни тут же понял, кто перед ним. Адвокат. Он презрительно скривил губы. За редким исключением детектив Дэнни Магуайр не слишком жаловал адвокатов.

– Кто вы и что здесь делаете? Посетители к миссис Джейкс не допускаются.

– Лайл Реналто, – практически промурлыкал мужчина и, подойдя к кровати, хозяйски положил руку на ладонь Анджелы. – Я друг семьи.

Дэнни уставился на двух неприлично привлекательных молодых людей, державшихся за руки, и пришел к неизбежному заключению.

«Ну да, как же! А я – царица Савская. Друг семьи, черта с два!»

– Лайл был поверенным Эндрю, – пояснила Анджела. Голос ее был тихим и хрипловатым, совсем не то что вчерашний испуганный шепот. – Кончита позвонила ему прошлой ночью, рассказала, что случилось, и он сразу же пришел. – Она с благодарностью стиснула руку Реналто, и ее глаза налились слезами. – Он был просто изумителен.

Бьюсь об заклад, так и есть.

– Если вы в состоянии отвечать на вопросы, миссис Джейкс, я бы хотел...

– Не сейчас, – тут же заявил Реналто. – Миссис Джейкс слишком слаба. Может, вы дадите мне список вопросов, а я позабочусь о том, чтобы она ответила на них, как только отдохнет.

– По-моему, я не с вами говорю, мистер Реналто, – сорвался Дэнни.

– Как бы там ни было, миссис Джейкс прошла через невероятно тяжкое испытание.

– Знаю. Я пытаюсь найти того, кто это сделал.

– Помимо того, что на ее глазах убили мужа, она еще подверглась зверскому изнасилованию!

Дэнни стал терять терпение.

– Я в курсе случившегося, мистер Реналто. Я был там.

– Но я не видела, как убивали Эндрю.

Мужчины уставились на Анджелу, однако она смотрела только на Дэнни. Охваченный идиотским торжеством, он подошел к кровати и оттеснил Реналто.

– Не хотите рассказать, чему именно стали свидетельницей?

– Ангел, тебе вовсе ни к чему что-то говорить, – вмешался поверенный.

Дэнни вопросительно вскинул брови.

– Так меня называл муж, – пояснила миссис Джейкс. – А вслед за ним и все его друзья. Я, конечно, совсем не похожа на ангела. И иногда сильно досаждала бедному Эндрю.

– Сильно в этом сомневаюсь, – покачал головой Дэнни. – Вы рассказывали о прошлой ночи. О том, что случилось.

– Да. Эндрю был наверху, в постели. Я читала внизу.

– В какое время это было?

Миссис Джейкс задумалась, потом произнесла:

– Около восьми, полагаю. Сверху донесся шум.

– Какого рода шум?

– Грохот. Я подумала, что Эндрю упал с кровати. У него последнее время бывали припадки. Тут вбежала Кончита, которая тоже услышала шум. Но я сказала, что поднимусь сама. Эндрю был человеком гордым, детектив. Если бы... – Она поискала подходящее слово. – ...если бы он каким-то образом потерял способность двигаться или ушибся, то не хотел бы, чтобы это видела Кончита. Но меня он не стал бы стесняться.

– Так вы поднялись одна...

Она глубоко вдохнула и закрыла глаза, борясь с воспоминаниями.

Лайл выступил вперед:

– Ангел, пожалуйста! Ни к чему расстраиваться.

– Ничего, Лайл, все в порядке. Детективу нужно знать. – Она снова взглянула на Дэнни. – Я поднялась одна. Но когда входила в спальню, кто-то ударил меня сзади. Это последнее, что я помню. Острая боль в голове. А когда очнулась, он... он насильно меня.

– Можете описать напавшего? – спросил Дэнни, по опыту зная, что лучший способ успокоить свидетелей – придерживаться сухих фактов и действовать жестко. Как только начнется бред вроде «знаю, как это тяжело для вас», откроются все шлюзы: слезы, истерики, и допрос, считай, пропал.

Анджела покачала головой.

– Хотелось бы. Но на нем была маска. Балаклава.

– А как насчет телосложения?

– Большую часть времени он был сзади. Не знаю. Приземистый, полагаю. Невысок, но определенно силен. Я сопротивлялась, и он меня ударил. Сказал, что, если начну вырываться, он покалечит Эндрю. Поэтому я перестала сопротивляться.

Слезы заструились по ее распухшим щекам.

– Где в это время был ваш муж? Пытался помочь вам? Поднять тревогу?

– Он... – Она озадаченно поморщилась. Посмотрела на Лайла Реналто, но тот отвел взгляд. – Не знаю, где был Эндрю. Я его не видела. Может, на кровати? Не знаю.

– Все в порядке, – заверил Дэнни, чувствуя, как растет ее беспокойство. – Продолжайте. Итак, вы прекратили сопротивление.

– Да. Он потребовал дать шифр нашего сейфа, и я его назвала. Потом он снова меня изнасиловал. А когда закончил, ударил так, что я потеряла сознание. Когда я пришла в себя, первое, что помню, – вас, детектив.

Она посмотрела Дэнни в глаза, и у того внутри все перевернулось. Он тут же забыл очередной вопрос. Лайл воспользовался наступившим молчанием.

– Кончита, горничная Джейксов, сказала, что украдены все драгоценности Анджелы и коллекция ценных миниатюр. Это верно?

Прежде чем Дэнни успел ответить, что у него нет привычки выкладывать «друзьям семьи» ценную информацию о расследовании убийства, Анджела выпалила:

– Плевать мне на чертовы драгоценности! Эндрю мертв! Я любила мужа, детектив!

– Уверен, что так и было, миссис Джейкс.

– Пожалуйста, найдите животное, которое это сделало!

Дэнни заставил себя вернуться к сцене вчерашнего преступления: покрытый кровью пол, почти отрезанная голова старика, омерзительные, непристойные царапины на голых бедрах, грудях и ягодицах Анджелы Джейкс.

Животное? Самое подходящее слово.

Хорошенькой сестры уже не было у двери палаты Анджелы Джейкс. Пока Дэнни дожидался лифта, к нему ручейком масла подплыл Лайл Реналто.

– Вижу, детектив, вы не слишком высокого мнения об адвокатах?

Тон его сменился с враждебного на снисходительный. Дэнни предпочитал первое. Тем не менее замечание было на редкость точным.

– Что заставило вас сделать такой вывод, мистер Реналто?

– Ваше лицо, – улыбнулся Лайл. – Если только ваша неприязнь не направлена исключительно на меня.

Дэнни ничего не ответил. Лайл продолжал:

– В этом вы не одиноки. Мой отец страстно ненавидел адвокатов. Он был буквально раздавлен, когда я окончил юридический факультет. Видите ли, я происхожу из семьи моряков. Отец был настроен решительно: либо Военно-морская академия США, либо ничего.

Интересно, почему он все это мне рассказывает?

Пришел лифт. Дэнни нажал кнопку, но Лайл вытянул руку и придержал дверцу. Его лицо кинозвезды стало жестким, а кошачьи глаза предостерегающе блеснули.

– Анджела Джейкс – мой близкий друг. Предпочел бы, чтобы вы не доносили на нее.

И тут Дэнни не сдержался:

– Это расследование убийства, мистер Реналто, а не игра в двадцать вопросов. Миссис Джейкс – основной свидетель, вернее, в данный момент она и ее горничная мои свидетели.

– Анджела не видела насильника, она уже сказала вам это!

Дэнни нахмурился.

– Я думал, мистер Джейкс тоже был вашим близким другом, и считал, вы хотите, чтобы мы нашли убийцу.

– Разумеется, – бросил Лайл.

– Или, возможно, вы не были так близки с Эндрю Джейксом, как с его женой. Так?

Похоже, это развеселило Лайла Реналто.

– Должен сказать, что для детектива вы довольно плохо разбираетесь в людях. Думаете, мы с Анджелой любовники?

– А разве нет?

– Нет, – ухмыльнулся адвокат.

Дэнни отчаянно хотелось в это верить.

– Это тройное преступление, мистер Реналто, – пояснил он, убирая руку адвоката от двери лифта. – Изнасилование, ограбление и убийство. Настоятельно предлагаю вам не пытаться мешать расследованию, вставая между мной и свидетелем.

– Это угроза, детектив?

– Считайте как угодно, – отмахнулся Дэнни.

Реналто уже открыл рот, чтобы ответить, но двери закрылись, так что последнее слово осталось за противником. Судя по дернувшемуся подбородку и раздраженному лицу Лайла, такое с ним случалось нечасто.

– До свидания, мистер Реналто.

Минут через пять, когда Дэнни уже оказался на бульваре Уилшир, звякнул его мобильник.

– Хеннинг! Что-нибудь есть для меня?

– Боюсь, немного, сэр. Ни в ломбардах, ни среди предложений онлайн ничего не нашлось.

Дэнни нахмурился.

– Слишком мало времени прошло.

– Да, сэр. Я также проверил завещание Джейкса.

– И?.. – оживился Дэнни.

– Жена получает все. Никаких родственников. Никаких благотворительных пожертвований.

– Все – это сколько?

– После уплаты налогов – около четырехсот миллионов долларов.

Дэнни присвистнул. Четыреста миллионов. Веский мотив для убийства. Правда, Анджелу трудно назвать подозреваемой. Вряд ли бедняга могла изнасиловать и

избить себя сама. И тут Дэнни вспомнил слова, которые бормотала Анджела вчера ночью: «У меня нет жизни».

С четырьмя сотнями миллионов в банке у нее определенно начнется новая жизнь. Любая. Какую она только захочет.

– Что-то еще? – спросил Дэнни сержанта.

– Так, одна безделица. Драгоценности. Из сейфа украдено безделушек на сумму чуть больше миллиона баксов плюс шкатулка с драгоценностями миссис Джейкс.

Но Дэнни понял, что главное впереди.

– И?..

– И все это не застраховано. Бриллианты тянут на семизначную сумму, и ни один из них не добавлен к страховому полису владельца дома. Кажется странноватым. Не так ли?

Кажется, и очень. Но Дэнни думал не об оплошности владельца бриллиантов.

– Послушай, я хочу, чтобы ты навел справки о парне по имени Лайл Реналто. Р-е-н-а-л-т-о. Говорит, что был адвокатом старика Джейкса.

– Сделаю. Но что мне искать?

– Понятия не имею, – честно ответил детектив.

Глава 2

Марракеш, Марокко, 1892 год

Маленькая девочка смотрела в окно экипажа на грязные оживленные улицы с их шумом, вонью, бедностью и смехом и была уверена в одном: она умрет в этом месте.

Ее послали сюда умирать.

Она выросла в роскоши, в богатстве, а главное – в мире и покое, в огромном, стоявшем в пустыне дворце. Единственная дочь высокородного человека и его любимой жены, она получила имя Мириам в честь матери великого пророка, и еще одно – Бахья, что означало «самая красивая». С раннего детства она не знала ничего, кроме любви и похвал. Спала в комнате, отделанной золотом, в постели из резной слоновой кости. Носила шелка, вытканные в Уарзазате, выкрашенные в Эссауире охрой, индиго и мареной и за большую цену доставленные с Ближнего Востока. Служанки одевали ее, купали, кормили, читали Коран, обучали музыке и поэзии – древней поэзии ее пустынных предков. Она была прекрасна не только лицом, но и душой. Милая, красивая и добрая – ребенок, о котором мог мечтать любой благородный отец, драгоценность, ценимая выше рубинов, аметистов и изумрудов, украшавших шеи и запястья всех четырех жен ее отца.

Дворец с его прохладными тенистыми дворами, фонтанами и птичьим пением, блюдами засахаренного миндаля и серебряными чайниками сладкого чая с мятой заключал в себе весь мир Мириам. Место наслаждения и покоя, где она играла с братьями и сестрами, защищенная от безжалостного солнца пустыни и других жизненных опасностей толстыми каменными стенами. Если бы не одно неожиданное ужасное событие, Мириам, вне всякого сомнения, провела бы остаток дней в этой благословенной позолоченной тюрьме. Но ее идиллическое детство закончилось в десять лет. Резко и бесповоротно. Лейла Бахья, мать Мириам, сбежала от мужа с другим мужчиной. Как-то ночью исчезла в пустыне, и ее так и не нашли.

Абдулла, отец Мириам, был хорошим и благородным человеком, но измена Лейлы подкосила его. Он все больше замыкался в себе и перестал заниматься хозяйством. Тогда на сцену вышли остальные жены, вечно ревнующие к Лейле, которая была моложе и красивее. Кроме того, Абдулла всегда любил Мириам больше других детей. Поэтому было решено избавиться от девчонки. Подстрекаемые Римой, амбициозной первой женой, они постоянно приставали к мужу, уговаривая его отослать ребенка.

– Она вырастет такой же змеей, как ее мать, и всех нас погубит.

– Она слишком похожа на нее.

– Я уже видела, как она строит глазки молодым слугам и даже Касиму, собственному брату.

Наконец, слишком ослабев, чтобы сопротивляться, и слишком убитый горем, чтобы смотреть в лицо любимой дочери, тем более что Мириам была копией Лейлы, вплоть до мягкого изгиба густых ресниц, Абдулла поддался требованиям Рима и решил отослать Мириам к Сулейману, одному из своих братьев, богатому торговцу тканями в Марракеше.

Девочка плакала, когда экипаж выезжал из ворот дворца, оставляя позади единственный дом, который она знала. Впереди простирались пески пустыни, казавшиеся бесконечными. Унылые, но красивые холсты оранжевого с желтым переливались оттенками от темной ржавчины до бледной пахты. До города было три дня езды, и пока не показались стены древних укреплений, им встречались только шатры кочевников и торговые караваны, устало бредущие сквозь пустоту. Мириам уже начала задаваться вопросом, доберутся ли они когда-нибудь до города. Существует ли он вообще, или это коварный план жен ее отца, чтобы избавиться от нее навек, оставить в пустыне, как преступников из стихов, которые ей читала мама?

Но вдруг она оказалась здесь, в этом муравейнике, где смешались красота и уродство, среди минаретов и трущоб, роскоши и нищеты, богачей и прокаженных.

«Вот он, конец света, – думал перепуганный ребенок, оглушенный шумом и стуком по стенам экипажа кулаков торговцев, пытавшихся продать фиги, кумин или уродливых деревянных кукол. – Эта толпа меня убьет».

Но Мириам выжила. Двадцать минут спустя она уже сидела в одной из многочисленных комнат богатого дома дяди, расположенного недалеко от базара, и пила свой любимый сладкий чай с мятой, а ее руки и ноги мыли в розовой воде.

Наконец в комнату ввалился маленький круглый человечек с самым зычным и громким голосом, который Мириам когда-либо слышала. Улыбаясь, он подхватил ее на руки и принялся осыпать поцелуями.

– Добро пожаловать, дорогая девочка! – гремел он. – Дочь Абдуллы? Так-так-так. Добро пожаловать, роза пустыни! Добро пожаловать, и желаю тебе процветания и благополучия в моем скромном доме.

На самом деле дом дяди Сулеймана трудно было назвать скромным. Хоть и меньше, чем отцовский дворец, он был настоящей пещерой Али-Бабы в смысле богатства, красоты и утонченности. Дела Сулеймана шли прекрасно. И Мириам действительно блаженствовала здесь. Холостой и бездетный дядя был очень благодарен старшему брату Абдулле за столь бесценный дар. Если только это было возможно, он любил Мириам больше ее настоящих родителей, только любовь эта приняла другие формы. В то время как Абдулла и Лейла защищали дочь от опасностей внешнего мира, Сулейман поощрял стремление Мириам наслаждаться его прелестями. Конечно, она никогда не покидала дом без сопровождения. Стража следовала за ней повсюду. Но под их внимательными взорами она свободно бродила по красочным бурлящим переулкам базара. Здесь запахи, звуки и зрелища, о которых она читала в книгах, таинственным образом оживали. Марракеш был восхитительным впечатлением в полном смысле этого слова. Живой, дышащий, пульсирующий город, наполнявший безмятежную душу Мириам волнением, любопытством и своеобразным голодом.

Она росла, становясь с каждым годом все прекраснее, и так же росла ее любовь к городу, усиливаясь до такой степени, что даже предложение провести несколько недель на побережье вызывало у нее нетерпеливое раздражение.

– Но почему мы должны ехать, дядя?

Сулейман рассмеялся раскатисто и добродушно:

– Ты так расстраиваешься, дорогая, словно тебя ждет наказание. Эссауира прекрасна, и кроме того, никто не хочет оставаться в Марракеше в разгар лета.

– Я хочу.

– Вздор. Жара просто невыносима.

– Я могу ее вынести, дядя. Только не заставляй меня уезжать. Умоляю. Я буду заниматься в два раза больше, если ты позволишь мне остаться.

– В два раза больше? Но ты вообще не хочешь заниматься! Ноль, помноженный на два, дает ноль!

Но Мириам всегда добивалась того, чего хотела, и дядя сдался. Он поедет к морю на две недели, а племянница останется с охраной и гувернанткой.

Позже Джibrил будет вспоминать это как момент, с которого началась его жизнь. И момент, когда она закончилась.

Шестнадцатилетний сын главного надсмотрщика Сулеймана Джibrил был счастливым, беспечным мальчишкой, без всяких забот и проблем. Симпатичный, с курчавыми каштановыми волосами и широкой улыбкой, он был еще и способным учеником и особенно преуспевал в математике. Отец питал тайные надежды на то, что Джibrил в один прекрасный день станет основателем собственной бизнес-империи. Почему нет? В Марокко приезжали деловые люди со всего мира, укреплялись торговые связи. Не то что в его время. Мальчик может иметь у своих ног целый мир, если захочет. Блестящее, многообещающее будущее, если пожелает.

Но и у Джibrила были свои тайные надежды. И ни одна из них не имела отношения к бизнесу. Все они роились вокруг необыкновенной, неотразимой, прелестной племянницы Сулеймана Мириам.

Впервые он увидел перепуганную десятилетнюю девчушку в тот день, когда она приехала в дом дяди. Тогда ему было тринадцать. Добрый, чувствительный к чужой боли мальчик взял Мириам под свое крыло. Они быстро подружились и играли вместе, проводя бесконечные счастливые часы на базаре и городских площадях, пока отец Джibrила и дядя Мириам трудились в конторе компании.

Джibrил не мог точно сказать, когда его чувства к Мириам начали меняться. Возможно, все началось после ее двенадцатого дня рождения, когда у нее появились груди. А может, причины были другие, более невинные. В любом случае на пятнадцатом году жизни Джibrил глубоко, безнадежно и одержимо

влюбился в подругу своих детских игр. Что было бы самым чудесным событием на свете, если бы не одна, но непреодолимая проблема: Мириам не была влюблена в Джibriла.

Робкие намеки на чувства встречались взрывами смеха.

– Не глупи! – отмахивалась она и тянула его за руку, так что Джibriлу хотелось растаять от желания. – Ты мой брат. А кроме того, я никогда не выйду замуж.

Воспоминания о побеге матери и отчаянии отца по-прежнему преследовали ее. Счастливая независимость дяди Сулеймана казалась куда более безопасным и разумным выбором.

Джibriл рыдал от досады и отчаяния. Почему он всегда вел себя с ней, как брат? Почему не разглядел раньше, какая она богиня? И как теперь исправить положение?

И однажды это случилось – в то время, когда дядя Мириам уехал на побережье. Вернувшись в дом после утренних занятий, Джibriл увидел черный дым, вырывающийся из окон. Нестерпимый жар чувствовался в сотнях ярдов.

– Что происходит?

Отец Джibriла, вымазанный сажей, выкашлял ответ:

– Пожар. Начался в кухне. В жизни не видел, чтобы пламя распространялось так быстро. Чудо еще, что мы всех оттуда вывели!

Вокруг столпилась перепуганные слуги. Некоторые были обожжены, другие рыдали, остальные заходились кашлем. К ним присоединились многочисленные соседи и прохожие. Вскоре толпа выросла настолько, что мужчины с ведрами воды едва протискивались к месту пожара.

Сердце Джibriла панически сжалось.

– Где Мириам?

– Не волнуйся, – утешил его отец. – Она с утра пошла в бани. В доме никого нет.

Но тут в верхнем окне появилась отчаянно размахивавшая руками фигура. Из-за густого серого дыма было трудно понять, кто это. Но Джибрил понял сразу.

Прежде чем отец или кто-то еще смог остановить его, он ринулся в здание. Жара ударила в лицо тяжелым кулаком. Едкий дым забился в легкие. Ему казалось, что он вдыхает бритвенные лезвия.

Джибрил упал на колени, ослепленный, полностью дезориентированный.

«Я должен встать. Должен найти ее. Помоги мне Аллах!»

И Аллах помог ему. Позже Джибрил описывал, как кто-то невидимый словно взял его за руку и потащил к каменной лестнице. Он понятия не имел, как в таком аду пробрался к Мириам, как подхватил ее на руки, будто тряпичную куклу, и понес сквозь огонь на улицу. Чудо. Истинное чудо. Другого слова не найти.

«Аллах спас нас, потому что хотел соединить. Это наша судьба».

Когда Мириам подняла веки и взглянула в глаза своего спасителя, Джибрил получил ответ на свои молитвы. Она любила его. Больше он не был ей братом.

Мысли Сулеймана, вернувшегося на пепелище, были только о Мириам и о том, как близок он был к тому, чтобы потерять племянницу. Он позвал Джибрила к себе в кабинет.

– Мальчик, я обязан тебе жизнью. Скажи, как я могу отблагодарить тебя? Что подарить за твой героизм? Деньги? Драгоценности? Дом? Только назови – и это будет твоим.

– Мне не нужны деньги, господин, – смиренно прошептал Джибрил. – Я прошу только вашего благословения. Я хочу жениться на вашей племяннице.

Он улыбнулся, и Сулейман увидел любовь, сиявшую в глазах парня. Бедняга...

- Мне очень жаль, Джибрил. Действительно жаль. Но это невозможно.

Улыбка сползла с лица Джibriла.

- Почему?!

- Мириам из благородной семьи, - мягко объяснил Сулейман. - Когда ее отец доверил дочь моему попечению, без слов было ясно, что когда-нибудь она вступит в брак, достойный ее положения. Я уже выбрал жениха. Он старше Мириам, но добр, уважаем...

- Нет! - не сдержался Джибрил. - Вы не можете! Мириам любит меня! Она... она этого не сделает!

Лицо Сулеймана мгновенно стало жестким.

- Мириам сделает так, как скажу я!

У Джibriла был такой несчастный вид, что старик смягчился:

- Послушай, мне вправду жаль. Но таков этот мир, Джибрил. Мы все его узники, хоть и сидим в разных клетках. Но ты должен забыть о моей племяннице. Проси чего-нибудь другого. Чего угодно.

Но Джибрил не стал просить. Как он мог, если ничего больше не хотел? Он твердил себе, что еще есть время уговорить Сулеймана. Старик может передумать. Мириам может отказаться выходить замуж за человека, с которым обручена, сама того не зная.

Но в глубине души он знал, что все его надежды тщетны. Мириам любила Сулеймана как отца и никогда не обесчестит себя и семью, послушавшись его, особенно в столь серьезном деле, как замужество.

Даже отец Джibriла ничем не мог помочь.

- Ты должен забыть эту девушку, сынок. Поверь, найдутся десятки других. У тебя блестящее будущее, а Сулейман всегда поможет деньгами, если только

со согласишься их взять. Сможешь содержать дом, полный жен!

Никто его не понимал!

И хотя Мириам пыталась утешить его, уверяя, что всегда будет любить независимо от того, за кого выйдет замуж, юноша, в котором горел вулкан желаний, ничего не желал слушать.

Наконец пришел день, когда надежды Джибрила окончательно умерли. Мириам вышла замуж за шейха Махмуда Басту, пузатого, лысого, годившегося ей в отцы. Если девушка и была расстроена, то ничем этого не показала, сохраняя безмятежную грацию в течение всей церемонии, да и потом, когда прощалась со своим вторым горячо любимым домом.

Новобрачные жили недалеко от города, в фамильном дворце Басты, у подножия Атласских гор, и Мириам могла часто навещать дом дяди. Во время этих визитов она иногда видела юношу с запавшими глазами и маской боли на лице. В такие минуты она испытывала жалость и печаль. Но только по отношению к Джибрилу. Сама она жила счастливо. Махмуд был добрым, любящим, щедрым и порядочным мужем. Когда в конце первого года их брака Мириам родила ему сына, он рыдал от радости. В течение последующих пяти лет она подарила ему еще трех мальчиков и девочку Лейлу. Со временем дети заполнили пустоту, оставленную ее обреченной любовью к Джибрилу. Видя, как они играют под присмотром любящего отца, она иногда чувствовала себя виноватой в том, что счастлива, а Джибрил так и не нашел утешения. От друзей она слышала, что он сильно пьет и проводит дни в рыночных кабаках и борделях, бросая на ветер подаренные Сулейманом деньги.

В последний раз Мириам видела Джибрила на похоронах мужа. Махмуд, так и не сумевший победить свою любовь к пахлаве и сладкому марокканскому вину, умер от сердечного приступа в шестьдесят два года. Мириам было сорок. Несмотря на морщинки вокруг глаз и жирок на бедрах, она была по-прежнему прекрасна. А вот Джибрила возраст не пощадил. Усохший, сгорбленный, с выпирающими венами и желтыми глазами горького пьяницы, он выглядел на двадцать лет старше и был так же мрачен и озлоблен, как Махмуд был счастлив и великодушен.

Он подошел к Мириам, стоявшей рядом со своим старшим сыном Рафиком. Та сразу поняла, что он пьян.

- Ну вот, - произнес Джибрил, глотая слова, - старый ублюдок наконец-то сдох. Когда я могу прийти к тебе, Мириам? Скажи, когда?

Мириам залилась краской. Какой стыд! Какой позор!

«Как он может так поступать? Со мной, с собой? Да еще и сегодня!»

Вперед выступил Рафик:

- Моя мать скорбит. Как и все мы. Тебе нужно уйти!

- Прочь с дороги! - прорычал Джибрил.

- Ты пьян! Никто не желает тебя здесь видеть!

- Твоя мать желает меня! Она любит меня. Всегда любила! Скажи ему, Мириам!

Мириам повернулась к нему и грустно сказала:

- Сегодня я похоронила двух человек, которых любила. Своего мужа - и мальчика, которым ты был когда-то. Прощай, Джибрил!

В ту ночь Джибрил повесился на дереве в саду Менара. В предсмертной записке было всего одно слово: «Предан».

Девочка отложила книгу и сморгнула слезы. Она перечитывала ее сотни раз, и всегда эта история трогала ее до глубины души. Да, она жила в 1983-м, не в 1892-м, и читала книгу в мрачном, промозгом детском доме в Нью-Йорке, а не в марокканском дворце. Но трагическая любовь Мириам и Джибрила все же многое говорила ее сердцу даже через века.

Девочка знала, что это такое – чувствовать свое бессилие. Быть брошенной собственной матерью. Быть просто вещью для мужчин. Призом, который следует завоевать. Быть ведомой по жизни, как ягненок на бойню, без права распоряжаться своей судьбой.

– Что с тобой, София?

Мальчик обнял ее за плечи, словно стараясь уберечь. Он был единственным, кому она сказала о книге. Единственным, кто ее понимал. Другие дети в доме не понимали. Издевались над ней и ее старым, потрепанным любовным романом.

– Они завидуют, – уверял он. – Потому что у тебя есть история семьи, а у них нет. В твоих жилах течет королевская кровь, София. Это делает тебя особенной. Другой. Они ненавидят тебя за это.

Он говорил правду. София чувствовала родство с Мириам и на другом уровне. Мириам была прабабкой Софии. Где-то в ней жили гены Мириам. Книга, которую София держала в руках, была самой большой ее драгоценностью. И не какой-то волшебной сказкой, а чистой правдой. Ее историей.

– Все хорошо, – утешила она мальчика, обнимая его и натягивая на них обоих тонкое синтетическое одеяло. Хоть они и прижались к батарее комнаты отдыха, холод проникал до самых костей.

«Я не ничтожество, – твердила она мысленно, вдыхая тепло тела друга. – Я из благородной семьи с романтической, трагической историей. Я София Баста. И когда-нибудь, далеко отсюда, осуществлю свою мечту».

Глава 3

Паркер-центр в деловой части Лос-Анджелеса еще с середины пятидесятых был штаб-квартирой третьего по величине правоохранительного управления США. Став знаменитым в шестидесятые после показа телесериала «Облава», это не слишком приметное здание из стекла и бетона по адресу: Норт-Лос-Анджелес-стрит, 150, в 1996 году было нашпиговано самыми дорогими техническими

новинками, от сканеров – распознавателей сетчатки до тепловизоров. Особенно хорошо было оборудовано сыскное бюро. В следственных помещениях были современные компьютеры, а склад был забит средствами слежки самых последних разработок.

К сожалению, детектив Дэнни Магуайр стоял слишком низко на карьерной лестнице, чтобы удостоиться такой комнаты. Вместо этого бригада из шести человек, которым было поручено расследование по делу Джейксов, теснилась, как сардины в банке, в подвальной норе без окон, где из всего оборудования были белая доска и авторучки с подтекающими стержнями. Все это должно было подстегнуть их дедуктивные способности.

Стоя перед выщербленной доской, Дэнни нацарапал ручкой несколько ключевых слов: «Драгоценности. Миниатюры. Страховка. Сигнализация. Прошлые/враги».

– Что у вас есть для меня?

Первым откликнулся детектив Хеннинг:

– Я говорил с пятью ювелирами, включая двух в Кориетауне, как вы предложили, сэр. Драгоценности Джейксов скорее всего разобраны. Оправы переплавлены, а камни либо вставлены в новые, либо проданы. Шансы обнаружить целое кольцо или пару серег равны нулю. Если только все это не проделал какой-то случайный отморозок, который в тонкостях не разбирается.

– Что маловероятно.

– Да, маловероятно, – согласился Хеннинг.

Пока они знали очень немного, но пришли к убеждению, что преступник, ворвавшийся в особняк Джейксов, был профессионалом, знакомым со сложной системой сигнализации и способным в одиночку ее отключить. Кроме того, он сумел подавить волю обеих жертв, изнасиловал одну и убил другого, и все это почти бесшумно и за пугающе короткий период времени. Анджела Джейкс была убеждена, что никогда раньше не встречала насильника. Он был в маске, но она сумела бы узнать его по голосу или жестам. Тем не менее Дэнни был убежден, что человек, которого они ищут, хорошо знаком с жизнью семьи. И что этот дом не случайно выбран преступником.

- А вот вариант с миниатюрами более перспективный, - продолжал Хеннинг.

- Вот как? - с надеждой воскликнул Дэнни.

- Джейкс был арт-дилером. Вполне естественно, что дом напичкан ценными картинами. Большинство из них - современные.

- Вау! - саркастически воскликнул другой детектив. - Просто не понимаю, как вам удается быть столь проникательным, Хеннинг! Не коп, а золото!

Все рассмеялись. Его положение любимчика при учителе Магуайре было неизменным предметом шуток.

Сам Хеннинг проигнорировал издевку.

- Если бы убийца действительно разбирался в искусстве, взял бы двух Баския, висевших в кабинете, или Кунса в одной из гостевых спален.

- Может, они были слишком тяжелыми? - спросил кто-то. - Этот тип был один.

- Мы в этом вполне уверены, не так ли? - вмешался Дэнни.

- Да, сэр, - кивнул детектив Хеннинг. - Эксперты подтвердили, что отпечатки, найденные в доме, принадлежат одному человеку. Если не считать, конечно, отпечатков семьи и слуг. Но в любом случае картины не были тяжелыми. Все они достаточно малы, и один человек вполне мог их унести. Кроме того, все вместе они стоят свыше тридцати миллионов долларов. Но наш парень выбрал миниатюры - единственный антиквариат в коллекции Джейкса.

- Насколько они ценны? - поинтересовался Дэнни.

- Все относительно. Стоят пару сотен тысяч каждая, так что в общей сложности - миллион баксов. Семейные портреты девятнадцатого века, в большинстве своем из Европы. Рынок таких произведений очень мал, так что пока это наиболее верный способ разыскать украденное. Я узнал имя местного эксперта. Он живет в Венис-Бич. Сегодня я с ним встречаюсь.

– Хорошо. Что-то еще?

Остальные члены бригады представили свои отчеты. Альпинистские канаты, которыми связывали супружескую чету, продавались в любом магазине спортивных товаров. Узел, завязанный убийцей, был довольно сложным: двойной выбленочный, еще одна улика, указывающая на то, что они ищут преступника-профессионала. Но других улик почти не было. Данные о крови и сперме в базе данных отсутствовали.

– Как насчет прошлого Джейксов? Какие-то обстоятельства, способные нам помочь?

Ничего. Эндрю Джейкс вел честный бизнес, и все его сделки были прозрачными. Он был известным филантропом, не говоря уже о том, что делал значительные взносы в Благотворительную ассоциацию полиции ЛАПД.

Дэнни вспомнил, что уже слышал его имя. Странно, что такой щедрый человек не включил в завещание благотворительных пожертвований.

У старика не было явных врагов, никаких родственников, близких или дальних, кроме бывшей жены, с которой он развелся двадцать пять лет назад и которая удачно вышла замуж и жила в Фресно.

Дверь неожиданно распахнулась. В комнату, размахивая листочком бумаги, ворвался офицер Джон Болт, стеснительный рыжеволосый молодой человек, один из самых младших членов команды Дэнни.

Все встрепенулись.

– Адвокат миссис Джейкс только что сделал заявление.

При упоминании о Лайле Реналто Дэнни напрягся. Проверка Хеннинга ничего не дала, но подозрения Дэнни не угасли.

– Не держи нас в напряжении, Болт. Что он сказал?

– Миссис Джейкс отдает все унаследованные деньги обездоленным детям.

– Не может быть, чтобы все.

Болт протянул Дэнни бумагу:

– Каждое пенни, сэр. Больше четырехсот миллионов!

Прочитав заявление, Дэнни ощутил странный подъем духа.

«Я знал, что она не золотоискательница. Чувствовал. Нужно больше доверять интуиции».

Час спустя он остановил машину у ворот большого особняка в стиле неотюдор на Беверли-Хиллз. Кэнон-драйв, 29. Адрес, который дала Андже́ла, выписавшись из больницы. Дом принадлежал другу.

– Я не могу вернуться на Лома-Виста, детектив, – объяснила она Дэнни. – Слишком болезненные воспоминания. Останусь с другом, пока дом не продадут.

Горничная в униформе провела Дэнни в теплую солнечную гостиную, обставленную мягкой мебелью, где по углам стояли большие вазы с душистыми фрезиями и лилиями. Очень женская комната, словно созданная для Анджелы. Сама она вышла к Дэнни босиком и в джинсах. Со дня нападения прошло две недели, и синяки поблекли до светло-желтого цвета. Дэнни впервые увидел цвет ее глаз – густо-карих, влажных, как расплавленный шоколад. Ни одна женщина не имела права быть такой прекрасной.

– Детектив!

Она с улыбкой пожала ему руку. Во рту у Дэнни пересохло.

– Какие-то новости? Вы уже нашли его?

– Пока нет. – Увидев тень разочарования на ее лице, Дэнни отчего-то ужасно расстроился. Ему совершенно не хотелось разочаровывать такую женщину... – Мы пока еще на раннем этапе расследования, миссис Джейкс. И обязательно его

найдем, – заверил он.

Анджела села на диван и жестом предложила Дэнни сделать то же самое.

– Пожалуйста, зовите меня Анджелой. Хотите что-нибудь? Чай?

– Спасибо, не стоит. – Дэнни ослабил узел галстука. «Дело во мне, или здесь так жарко?» – Я хотел бы задать еще пару вопросов, если не возражаете. О вашем браке.

– Моем браке? – озадаченно переспросила Анджела.

– Чем лучшее представление мы получим о вашей супружеской жизни, тем скорее выясним, кто это сделал. И почему.

Анджела, помедлив, задумчиво кивнула.

– Договорились. Что вы хотите знать?

– Начнем с начала. Где вы познакомились?

– На лекциях по искусству в КУЛА[2 - Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе.].

Глаза ее словно засветились, и Дэнни подумал: «Господи, она действительно его любила».

– Это не было обычным университетским курсом или чем-то в этом роде. Просто вечерние занятия, на которые я ходила. Не то чтобы я очень в этом преуспела.

Дэнни поражало, что такая роскошная женщина настолько мало в себе уверена. Но Анджела Джейкс, казалось, обладала удивительной способностью к самоунижению.

– В какой школе вы учились? – спросил он.

– «Беверли-Хиллз-хай», а что?

– Чистое любопытство.

– Ясно.

Она снова улыбнулась. Желудок Дэнни перевернулся, как оладья на сковороде.

– Так или иначе Эндрю пришел в университет, чтобы прочитать лекцию об арт-бизнесе. «Как заставить владельца галереи взглянуть на твои работы». Что привлекает собирателей и все в этом роде. Он был таким умным и веселым. Мы сразу поладили.

Дэнни попытался представить старика Джейкса и тогда еще более молодую Анджелу, поладивших сразу. Но это оказалось нелегко.

– У вашего мужа были враги, о которых вы знали?

– Ни одного. – Ее тон был решительным, почти вызывающим.

– Уверены?

– Абсолютно. Эндрю был просто душкой. Все его любили.

Выходит, не все.

Дэнни попытался подойти с другой стороны:

– Не знаю, помните ли вы, что в ночь убийства все время повторяли одну фразу.

– Разве?

– Да. Снова и снова.

Она непонимающе уставилась на него.

– «У меня нет жизни». Именно это вы твердили. Не знаете, почему могли это повторять?

Она поколебалась.

– В общем, нет. Когда я встретила Эндрю, он дал мне жизнь. Спас меня. Так что, возможно, я сказала «у меня нет жизни», сознавая, что это конец.

– Конец?

– Конец покоя и счастья, которые я узнала с Эндрю. Но я не помню этих слов, детектив. Не помню ничего, кроме Эндрю и крови. И вас.

– Вы сказали, что муж спас вас. От чего?

Анджела потупилась.

– Вытащил из неприятной ситуации.

Дэнни понимал, что стоило бы расспросить подробнее, но не мог снова ее расстраивать. Очевидно, она не хотела об этом говорить.

Скажет, когда будет готова.

– Понимаю. А как насчет вас, миссис Джейкс?

– Меня?

– Существует ли человек, который может питать к вам личную неприязнь?

Анджела снова погрузилась в мысли.

– А ведь я никогда об этом не думала. Хотя, как вы знаете, между мной и Эндрю была огромная разница в возрасте – свыше пятидесяти лет, а люди любят судить ближних. Я знаю, в кругу знакомых Эндрю многие мне не доверяли, считая, что я охочусь за его деньгами. Полагаю, вы тоже так посчитали.

- Конечно, нет, - солгал Дэнни, отводя глаза.

- Я пыталась убедить Эндрю вычеркнуть меня из завещания, доказать всем, что его деньги меня не интересуют. Но он и слышать ничего не хотел. Говорил, что не стоит поддаваться на шантаж окружающих.

- Поэтому вы отдали все деньги на благотворительность? Хотели доказать, что все ошибаются?

Анджела пожала плечами.

- Отчасти, возможно, да. Подсознательно.

- Муж знал, что вы собираетесь все отдать на благотворительность после его смерти?

- Нет. - Она покачала головой. - Это могло ранить его чувства. Эндрю хотел, чтобы я получила деньги, а я хотела, чтобы он был счастлив. Но, по правде говоря, я не знаю, что делать с таким огромным богатством.

Дэнни невольно вскинул брови. Анджела рассмеялась теплым мелодичным смехом - словно мед стекал с ложки.

- Вы, кажется, сомневаетесь, детектив. Но, спрашивается, что мне делать с четырьмястами миллионами долларов? Я люблю писать картины. Люблю гулять в каньонах. А это не стоит миллионы. Куда лучше отдать все людям, которые нуждаются. Которые могут употребить эти деньги с пользой. И каким-то уголком души я чувствую, что случившееся было не зря.

Анджела снова опустила глаза, и Дэнни понял, что она едва сдерживает слезы. Он инстинктивно положил ладонь на ее руку и со смущением признал, что его словно электрическим током прошило.

- Какого дьявола здесь творится?

Дэнни подскочил. Голос Лайла Реналто разбил его настроение, как пущенный в лобовое стекло камень.

- Что вы здесь делаете? – рявкнул адвокат.

Он стоял на пороге с лицом, искаженным яростью, плечи агрессивно выдвинуты вперед. На нем был почти такой же костюм, как в прошлый раз, со светло-голубым шелковым галстуком под цвет глаз. Вот уж кому Дэнни совсем не был рад!

- Я допрашиваю свидетельницу, – холодно ответил он. – А вы, мистер Реналто, как обычно, мешаете. Могу я спросить, что вы здесь делаете?

- Ответ простой. Я здесь живу. Ангел вам не сказала?

Дэнни повернулся к Анджеле.

- Он и есть тот друг, в доме которого вы живете? Вы не упоминали об этом.

Анджела пожала плечами:

- А вы не спрашивали. Лайл был так добр, что предложил мне остаться здесь, пока я не приду в себя. Как уже говорила, он был самой надежной опорой в этом испытании.

- Если вы закончили докучать миссис Джейкс, буду счастлив проводить вас до выхода.

- Детектив Магуайр не докучает мне, – вступилась Анджела. – Он идеально вежлив.

- Хм-м, – пробурчал Реналто, очевидно, не убежденный.

Проигнорировав его, Дэнни продолжал:

– У меня еще один вопрос к вам, миссис Джейкс, если не возражаете. Вы упоминали, что впервые встретили мистера Джейкса на лекции по искусству.

– Верно.

– Могу я спросить, какое имя вы носили в то время?

Анджела встревоженно взглянула на Реналто.

– Имя? Не понимаю.

– Ваше девичье имя, – объяснил Дэнни. – До того, как вы с мистером Джейксом поженились.

– А, это! – с видимым облегчением воскликнула она. – Я сначала не поняла, о чем вы. – Она в третий и последний раз окатила Дэнни взглядом шоколадных глаз. – Райман. Моя девичья фамилия Райман.

Комната была маленькой, убогой, душной, и запах фастфуда из китайского ресторана лез в ноздри. Детектив Хеннинг решил, что торговля предметами искусства не такое прибыльное дело, как расписывают журналисты.

Рег Линдмайер, скупщик краденого и по совместительству полицейский информатор, жил в обшарпанном одноэтажном домике на одной из заброшенных и запущенных пешеходных улочек Венис-Бич, расположенной среди узких переулков, вьющихся между Оушен-авеню и пляжем. В некоторых кварталах к северу «коттеджи» двадцатых годов, такие же, как у Рега, но переделанные и отремонтированные молодыми энергичными владельцами из западного Лос-Анджелеса, уходили за семьсот штук или больше. Но не здесь. Это был типичный Венис-Бич, грязный и бедный, находящийся на грани нищеты. «Демонстрационная» Рега Линдмайера была такой же неряшливой и нищей, как хижина любого бродяги.

– И что? Ты какую-то из них видел? – Хеннинг нетерпеливо наблюдал, как Линдмайер перебирает снимки миниатюр, сделанные в страховой компании. Скупщик краденого, с морщинистым лицом пятидесятипятилетнего хоббита и

пальцами, черными от табака, оставлял отпечатки на каждом снимке.

– Сколько дашь?

Молодой детектив брезгливо вытащил из кармана две двадцатки.

– Сотню, – проворчал Линдмайер.

– Шестьдесят, и я не донесу на тебя за вымогательство.

– Заметано. – Он жадно запихнул деньги в карман и отдал захваченные фотографии.

– И так? – настаивал детектив Хеннинг. – Ты видел эти миниатюры на черном рынке или нет?

– Не-а.

– И это все? Не-а? Больше у тебя ничего нет?

Линдмайер пожал плечами.

– Вы задали вопрос. Я ответил.

Хеннинг бросился отнимать деньги.

Линдмайер скорчился:

– Ладно-ладно! Послушайте, детектив, если бы они продавались, я бы точно знал. Я единственный на Западном побережье, кто разбирается в этом викторианском дерьме. Вы знаете это, как всякий другой. Так что либо ваш малыш смылся из города, либо не продает. Это честная информация. Может, он хотел оставить их себе.

Психопат, убийца, маньяк, насильник, одержимый миниатюрами девятнадцатого века? Детектив Хеннинг так не считал.

– Может, у него уже есть покупатель? – размышлял он вслух. – В таком случае он в твоих услугах не нуждается.

– Мобыть.

– Ты знаешь каких-нибудь известных коллекционеров, которые бы могли заказать эти штуки?

– Мобыть, – повторил Линдмайер, уставившись на бумажник сержанта.

День обещал быть долгим и дорогим.

– Не могли бы вы сделать мне одолжение и проверить еще раз? – Детектив Магуайр наградил секретаршу в приемной той же обаятельной улыбкой, какой очаровал медсестру в больнице. Безуспешно.

– Мне ни к чему проверять еще раз. Я уже проверила.

Служащая правительственного архива на Ветерен была черной как смоль, весила около двухсот фунтов и явно не собиралась слушать всякую чушь, которую нес какой-то тупой ирландский коп, воображавший себя даром божьим для всех женщин.

– У нас нет данных по Анджеле Райман. Ни Райман, ни Рейман. Никакой Анджелы Райман. Нет сведений о рождении, браке, смерти, о пособиях или налогах. Во всяком случае, в Калифорнии.

Дэнни одолевали сомнения. Он пытался найти разумные объяснения, но это у него не очень получалось.

Может, она родилась в другом штате. Может, она и Джейкс поженились на Карибах или в Париже. С такими деньгами не бегут в мэрию, как мы, простые люди. Свидетельство о браке может быть выписано где угодно. Все это ничего не значит.

Несмотря на все уговоры, Дэнни с дурным предчувствием входил в офис администрации средней школы на Беверли-Хиллз.

– Мне нужны документы на бывшую ученицу, – начал он, тщетно пытаясь изобразить нечто похожее на оптимизм. – Она должна была окончить школу восемь-девять лет назад.

Клерк в приемной любезно улыбнулся.

– Разумеется, детектив. Как звали молодую леди?

– Анджела Райман.

Улыбка померкла.

– Видите ли, я служу здесь десять лет, но это имя ничего мне не говорит. – Он открыл высокий металлический файловый шкаф и вытащил ящик, обозначенный «Ра – Си». – У вас, случайно, нет фотографии?

Дэнни полез в портфель, протянул мужчине снимок Анджелы, взятый полицейскими у нее дома. Анджела в подвенечном платье выглядела еще красивее обычного. Идеальные черты сияли любовью и радостью, темные волосы откинута с молочно-белого лба. Шоколадные глаза весело блестят.

– О Господи! – прошептал клерк. – Такое лицо не скоро забудешь! Нет, прошу прощения, но эта девушка никогда здесь не училась.

– Ты делаешь мне больно!

Лайл Реналто так яростно сжимал плечи Анджелы Джейкс, что ногти впивались в плоть.

– Прости, Ангел. – Он ослабил хватку. – Но тебе нужно убираться отсюда. И немедленно, пока он не вернулся.

– Но... но я ничего плохого не сделала. – Анджела заплакала.

– Конечно, нет, – уже мягче ответил Лайл. – Я знаю это. Ты знаешь это. Но Магуайр не поймет.

– Уверен? – нерешительно пробормотала Анджела. – Он кажется славным парнем.

– Уверен, – коротко ответил Лайл, вынимая из шкафа маленькую дорожную сумку. – Захвати немного одежды. Возможно, у нас остается совсем мало времени.

Детектив Дэнни Магуайр проснулся в пять утра. Он лег в два и почти не спал. Мысли его были в полном смятении. Анджела Джейкс солгала ему насчет имени и школы, в которой училась. В чем еще она лгала? И почему?

Почему назвалась чужим именем и придумала себе прошлое в разговоре с человеком, пытавшимся поймать ее насильника и убийцу мужа? В разговоре с человеком, пытавшимся ей помочь? Этому может быть только одно объяснение. Что-то такое есть в прошлом Анджелы, чего она стыдится. Невыразимо стыдится.

В голову пришла вполне логичная мысль: «Может, она была шлюхой? Это и есть «несчастливая жизнь», от которой ее спас Эндрю Джейкс?»

Достаточно типичная для Лос-Анджелеса история: молодая красивая девушка из захолустного городка приезжает в Голливуд, мечтая стать кинозвездой. Оказывается в стесненных обстоятельствах. Связывается не с теми людьми...

И все же, когда Дэнни представлял ее ангельское лицо, доверчивые добрые глаза, он не мог заставить себя поверить, что Эндрю Джейкс выбрал невесту на Голливудском бульваре. Он не верил также, что Анджела – золотоискательница, хотя все на это указывало.

Я был прав насчет этого. Следует больше доверять интуиции.

Но что подсказывает интуиция? В этом и заключается проблема. Он понятия не имел.

Вчера, выйдя из школы, он с час ездил по городу, пытаясь сообразить, что делать дальше. Очевидно, следовало немедленно вернуться в дом Лайла Реналто и допросить Анджелу. Будь на ее месте любой другой свидетель, Дэнни даже не задумался бы. Но он не мог заставить себя выпытывать правду у прелестной миссис Джейкс в присутствии ее одиозного адвоката, который наверняка не отойдет от нее ни на шаг. Если у нее есть какие-то постыдные тайны – а у кого их нет? – она вполне заслуживает шанса исповедаться ему с глазу на глаз. Дэнни поймет. После всего, что ей пришлось пережить, он обязан проявить хоть какое-то снисхождение.

Поэтому Дэнни отправился в участок проводить мозговой штурм вместе с бригадой. Однако все закончилось полным крахом. Каждая версия вела в тупик. Эксперт по искусству из Венис-Бич не сообщил ничего существенного, а утверждения страхового агентства, что кража могла быть подстроена, не выдерживали никакой критики, поскольку единственными людьми, получающими выгоду от выплаты страховки, были сами Джейксы, один из которых мертв, а вторая решила отдать все деньги. Двое офицеров Дэнни проверяли счастливых – благотворительные организации, которым повезло попасть под дождь денег Анджелы. Оказалось, что обе организации чисты, как выпавший снег, и никаких махинаций с жертвованиями выявлено не было.

Сложная компьютерная программа перебрала все случаи жестокого насилия в округе Лос-Анджелеса, выискивая связи с кражей предметов искусства или драгоценностей, которые могли бы хоть как-то перекликаться с преступлением в доме Джейксов. Ничего.

Та же история с экспертизами.

Отпечатки и сперма не поддавались идентификации.

Дэнни натянул спортивные штаны и поплелся на кухню сварить кофе покрепче. За окном все еще было темно. Обсаженная деревьями улица в Западном Голливуде, где Дэнни жил последние шесть лет, была пуста и молчалива, как кладбище.

Спит ли еще Анджела? Дэнни представил себе ее: темные волосы, рассыпавшиеся по мягкой белой подушке, роскошное тело, теплое и обнаженное, под простынями Лайла Реналто.

Она ночует в гостевой комнате? Господи Иисусе, он на это надеялся.

Дэнни вспомнил презрительное замечание Лайла в больнице: «Должен сказать, что для детектива вы довольно плохо разбираетесь в людях. Думаете, мы с Анджелой любовники?» – и всем сердцем пожелал, чтобы Реналто сказал правду.

Он посмотрел на часы: пять двадцать.

Я немедленно поеду туда. Они наверняка еще не проснулись, и я сам увижу, кто в какой постели спит.

Он помчался под душ.

Было ровно шесть утра. Дверь открыла все та же горничная, что и накануне.

«Бедняжка. В какую же рань она должна быть на работе?!» – подумал Дэнни.

Горничная взглянула на Дэнни и подумала: «Бедняга! В какую же рань он должен быть на работе?!»

– Мне нужна миссис Джейкс.

– Миссис Джейкс здесь нет.

– Ладно, послушайте, я знаю, что ваш хозяин – мистер Реналто. И знаю, что он не в восторге от моих вопросов. Но мы расследуем убийство. Поэтому, пожалуйста, разбудите миссис Джейкс и, если понадобится, мистера Реналто.

– Нет, вы не поняли. Ее здесь нет. Уехала прошлой ночью. Можете войти и обыскать дом, если не верите.

К сожалению, Дэнни ей поверил. Сердце неприятно заколотилось.

– Уехала? Куда?

– Не знаю. Взяла сумку, и мистер Реналто отвез ее в аэропорт.

Перед глазами Дэнни замелькали сцены будущего краха его карьеры.

Мне следовало приехать вчера! Я бы поймал их! Теперь главный свидетель смылся бог знает куда.

– А Реналто? Он тоже уехал вместе с ней?

Горничная, казалось, удивилась его вопросу.

– Конечно, нет. Мистер Реналто здесь. Спит наверху.

Дэнни протиснулся мимо нее и взлетел по лестнице с резными перилами, перепрыгивая через две ступеньки. Двойные двери в конце коридора явно вели в хозяйскую спальню. Он пинком распахнул их. Спящий под одеялом человек не пошевелился.

– Ладно, скотина! Где она? – Дэнни прошел к кровати. – И постарайся дать четкий гребаный ответ, иначе я упеку тебя за попытку воспрепятствовать расследованию убийства и лично позабочусь о том, чтобы ты больше никогда не занимался адвокатской практикой в этом городе.

Схватившись за тяжелое шелковое покрывало, Дэнни сдернул его с кровати. И тут же искренне пожалел о том, что сделал.

Глава 4

За два года до описываемых событий

София Баста повесила трубку и, сияя от счастья, обхватила плечи руками. Муж возвращается домой! Будет через час! Муж.

Как она любила повторять это слово, смакуя, как конфету. Теперь они женаты. По-настоящему. Фрэнки – ее единственный друг за все долгие, темные, полные отчаяния годы в Нью-Йорке. Фрэнки – самый красивый, самый умный, самый лучший в мире человек! Фрэнки, который мог получить любую женщину, выбрал ее, Софию, в жены. По утрам она часто просыпалась и нервно ощупывала обручальное кольцо, не в силах поверить такой удаче. Но тут же напоминала себе: «Я София Баста, правнучка Мириам, марокканская принцесса. Я особенная. Почему бы ему не выбрать меня?»

Квартира у них была скромной – кондоминиум с двумя спальнями в окрестностях Беверли-Хиллз, – но София сделала квартиру уютной и приветливой, счастливая, что может свить чудесное гнездышко, куда Фрэнки будет возвращаться домой после работы. Яркие цветные подушки и покрывала украшали диван в гостиной, весь день наполненной ярким калифорнийским солнцем. Как София любила это солнце после восемнадцати мрачных, дождливых, пасмурных лет в Нью-Йорке!

Угрюмый, неприветливый, грязный город, одиночество в детском доме. Жизнь Софии тогда была кошмаром. Но сейчас все казалось дурным сном, историей, приключившейся с кем-то другим.

И что это была за история!

Кристина, мать Софии, наркоманка и проститутка, не ухаживала за детьми, да и собой не занималась. Но так было не всегда. Кристина Баста росла в очень богатой семье, сначала в Марокко, потом в Париже, куда родители послали ее учиться в привилегированный пансион для девочек. Высокая и стройная, как газель, с кремовой кожей и влажными, пытливыми карими глазами, копия своей бабки Мириам, Кристина быстро привлекла внимание «охотников за головами» парижских модельных агентств, отирававшихся на улице Дю Фобур в поисках новых талантов. К шестнадцати Кристина трудилась почти полный рабочий день. К восемнадцати жила в Нью-Йорке, в одной квартире с другими тремя моделями из агентства и наслаждалась всеми удовольствиями, доступными в этом городе.

Падение Кристины было быстрым и катастрофичным. На смену кокаину пришел героин. В двадцать, когда сорвала несколько показов, Кристина была уволена из агентства. Семья к тому времени от нее отказалась. Слишком гордая, чтобы просить помощи, она понадеялась, что быстро меняющиеся бойфренды станут оплачивать ее постоянно возрастающую потребность в наркотике. Бойфренды в основном состояли из наркоторговцев и сутенеров, тащивших ее все глубже в адскую бездну.

София и ее сестра-близнец Элла стали результатом третьей беременности Кристины. Та пыталась сделать аборт, как в предыдущих случаях, но что-то пошло не так, и дети появились на свет в гарлемском роддоме Бервинд. В ту же ночь они были брошены там матерью. Несколько коротких недель близнецы провели вместе, прежде чем Эллу, более хорошенькую, не удочерили местный доктор и его жена. С этой минуты София начала свою жизнь, как и было суждено судьбой: в одиночестве.

Но через шесть лет, когда София жила в детском доме Святой Марии в Бруклине, известная адвокатская контора на Мэдисон-авеню сообщила персоналу дома, что мать девочки умерла. Кристина оставила дочерям «небольшое наследство». Поскольку доктор с семьей куда-то переехали и увезли Эллу, было решено передать все наследство Софии.

– Ничего существенного, – объяснил адвокат, к великому разочарованию директрисы. – Оно скорее имеет сентиментальное значение, которое девочка оценит, когда подрастет. Это книга, старая книга. И письмо.

В этой книге описывалась история любви Мириам и Джибрила, которую София и Фрэнки читали и перечитывали несколько лет. Письмо было от матери Софии. В нем объяснялось, что все, изложенное в книге, не легенда, а подлинная история прабабки Софии, напоминание о прошлом, которого София никогда не знала, и о благородном происхождении девочки.

Фрэнки читал письмо. София показала его ему, когда стала подростком. Он был единственным, кому она доверяла, и понимал, что книга и письмо все изменили для осиротевшей Софии. За одну ночь она превратилась из ничтожества, нежеланного отродья проститутки и сутенера, в нечто особенное, необыкновенное, марокканскую принцессу, трагически разлученную с красавицей сестрой. Конечно, другие дети издевались над ней, твердили, что книга – просто куча навоза, что нет никакой сестры и экзотического прошлого.

Но Фрэнки помогал Софии пережить их завистливые колкости. Он был ее опорой, ее спасением, единственным другом, а книга – самой большой драгоценностью.

По сию пору София не понимала, что привлекло в ней Фрэнки. Возможно, то обстоятельство, что он тоже сирота, настоящий сирота, как и она. У большинства детей в доме были семьи, отказавшиеся о них заботиться. Но если София всегда была одинока, не имела друзей, страдала от злобы девочек, завидовавших ее красоте, и приставаний мальчиков – по той же причине, то Фрэнки обожали все – и воспитатели, и дети. Красивый – «Господи, какой он красивый!» – умный, острый на язык, обаятельный, Фрэнки часто поглядывал на Софию, но не теми пугающими, хищными взглядами, как другие мальчики. Фрэнки был благороднее, мягче и бесконечно более нежен, чем остальные подстегиваемые тестостероном мальчишки. София была польщена, но и обеспокоена. Она жаждала, чтобы он коснулся ее, и уже начала отчаиваться, думая, что этого никогда не произойдет. И тут однажды случилось чудо. Они читали книгу в комнате отдыха, как часто бывало. Фрэнки любил книгу почти так же сильно, как София, считал историю Мириам восхитительно романтической и бесконечно расспрашивал подругу о ее семье и пропавшей сестре Элле. Но в тот день он задал другой вопрос. Самый чудесный, самый неожиданный, которого она даже не ожидала. И конечно, София сказала «да», а Фрэнки пообещал, что, как только они поженятся, он будет с ней, как следует быть мужу и жене. С той самой минуты жизнь Софии Баста, по крайней мере в ее мыслях, превратилась в одну длинную волшебную сказку.

Они с Фрэнки поженились в ее восемнадцатый день рождения и перебрались из приюта в крошечную студию в Гарлеме, где Фрэнки, как и обещал, впервые занялся с ней любовью. Это были самые счастливые четыре минуты в жизни Софии.

Следующие два года София работала официанткой, пока Фрэнки учился в университете. Он был так умен, что мог стать кем захочет: доктором, адвокатом, бизнесменом. Еще до окончания университета ему предложили работу в Лос-Анджелесе. Они перебрались в Калифорнию с одним чемоданом и радостно попрощались с Нью-Йорком.

В Лос-Анджелесе было все, о чем мечтала София, и даже больше. Теперь жизнь стала настолько идеальной, что она стыдилась жаловаться на частые

командировки Фрэнки или то, что ему приходилось задерживаться на работе. Или на то, что они до сих пор не могли зачать ребенка. Хотя, возможно, это было связано с тем, что муж редко занимался с ней любовью.

– Я хочу, чтобы это оставалось чем-то особенным, – объяснял Фрэнки. – Не превратилось в рутину.

София пыталась убедить Фрэнки, что это всегда останется для нее особенным, сколько бы раз они ни занимались любовью, но он был непреклонен. София твердила себе, что это не должно так уж сильно ее волновать. Он выказывал свою любовь бесчисленными способами: делал интимные снимки, сгорал от ревности, когда другие мужчины обращали на нее внимание, постоянно хвалил ее наряды, духи, волосы, а сексуальная жизнь со временем наладится.

Она вынула из духовки противень с печеньем и как раз меняла простыни на кровати, когда в двери повернулся ключ. Взвизгнув от восторга, она бросилась в объятия мужа.

– Детка! – воскликнул он, целуя ее в макушку. – Ты скучала по мне?

– Еще бы! Каждую минуту! Почему ты раньше не сказал, что прилетаешь сегодня? Я бы поехала в аэропорт встречать тебя.

– Знаю, но хотел сделать сюрприз.

Фрэнки взглянул на свою любящую молодую жену и в очередной раз поздравил себя. Красота Софии никогда не переставляла изумлять его. Всего после нескольких дней отсутствия она казалась еще красивее. Еще совершеннее. Настоящий ангел. При мысли о том, что какой-то мужчина коснется ее, Фрэнки приходил в бешенство. И все же он абсолютно точно знал, что никогда не сможет стать тем любовником, который ей нужен. Проблема была неразрешима.

В ту ночь в постели, чувствуя ее неудовлетворенное желание, Фрэнки спросил:

– Ты когда-нибудь хотела переспать с другим мужчиной?

– Что ты? – в ужасе прошептала София. – Конечно, нет. Скорее умру. Как ты можешь спрашивать такое?

– Ты бы действительно скорее умерла? – Он смотрел на нее так пристально и напряженно, как никогда раньше.

София подумала, прежде чем ответить, но сказала «да», потому что это была правда. Она не жила бы в ладу с собой, если бы изменила Фрэнки. Он был всей ее жизнью. Самим дыханием и воздухом.

– Прекрасно, – ответил Фрэнки. – В таком случае я хочу познакомить тебя с одним человеком. Важным человеком.

Он медленно провел рукой между ее бедер. София беспомощно застонала: он так давно не касался ее.

Пожалуйста, пожалуйста, не останавливайся.

Но Фрэнки остановился, убрал руку и приложил палец к губам Софии. Ей хотелось плакать.

– Я хочу, чтобы ты была добра к этому человеку. Делай все, что я тебе скажу. Даже если это будет очень трудно.

– Конечно, дорогой. Ты знаешь, что я готова на все ради тебя. Но что ты имеешь в виду?

– Пока тебе не стоит волноваться. Я все устрою. Делай, как я прошу.

Фрэнки лег на нее. К изумлению Софии, он уже был готов. Войдя в нее, он сделал пять-шесть коротких толчков, прежде чем кончить.

Некоторое время оба молчали. Потом София тихо спросила:

– Как его зовут?

– Кого?

– Человека, с которым ты хочешь меня познакомиться. Как его зовут?

Фрэнки улыбнулся в темноте.

– Джейкс. Эндрю Джейкс.

Глава 5

Лион, Франция, 2006 год

Мэтт Дейли посмотрел на часы. Последние полчаса он провел на неудобном диване в обшарпанной комнате ожидания, где-то в глубинах штаб-квартиры Интерпола в Лионе. Здание, нависшее над рекой, стояло на набережной Шарля де Голля и было храмом уродливой функциональности, выстроенным бюрократами для бюрократов.

«Хрустальная мечта полицейского аналитика, – подумал Мэтт, отметив полное отсутствие картин и пейзажей, даже случайного цветного ковра или вазы с цветами в коридорах, которые успел увидеть. – Неудивительно, что служащие выглядят такими угнетенными».

Честно говоря, его оценка основывалась на наблюдении за двумя людьми: угрюмым молодым французом, выдавшим ему гостевой пропуск и проводившим в офис человека, ради встречи с которым он пролетел полмира, и секретарем этого человека, женщиной с физиономией закаленного воина-берсерка, излучавшей столько же теплоты, сколько ядерная зима в Сибири.

– Как по-вашему, сколько еще ждать? – спросил Мэтт. Секретарь пожала плечами и вернулась к своему компьютеру.

Мэтт подумал об отце. Гарри Дейли никогда не был во Франции, но издали всегда восхищался сексуальностью, манерами и обаянием французов. Интересно, рассеяла бы его иллюзии здешняя Роза Клебб[3 - Одна из героинь бондианы «Из России с любовью», охотившаяся на Бонда.]?

При мысли об отце Мэтт улыбнулся. Не будь Гарри Дейли, он бы здесь не сидел.

Гарри Дейли был чудесным отцом и еще лучшим мужем. Гарри и Мэри, мама Мэтта, были женаты сорок лет и стали всем друг для друга. Похороны Гарри в прошлом году собрали десятки друзей, стоявших у могилы и деливших воспоминаниями о человеке, которого Мэтт и его сестра Клер любили, сколько себя помнили.

Гарри умер от рака почки, в страшных мучениях, и слова священника «да почиет в мире» вызвали у Мэтта нервный смех.

Ракель, гламурная латиноамериканская жена Мэтта, не увидела в этом ничего смешного.

- Господи, - прошипела она в ухо Мэтту, - что это с тобой? Ни малейшего уважения! Это похороны твоего отца!

- О, брось, солнышко! Папа увидел бы юмор ситуации. Представь, что сделал бы из этого Джерри Сейнфелд.

- Ну, тебя трудно назвать Джерри Сейнфелдом, дорогой.

Это ранило, потому что было правдой. Мэтт Дейли был комедиографом, но в последнее время не слишком успешным. Красивый какой-то мальчишеской, задорной красотой, с густой гривой светлых волос и яблочно-зелеными глазами, он умел улыбаться так заразительно, что все его лицо становилось воплощением остроумной шутки. Когда-то при первом знакомстве Ракель привлекло в Мэтте именно чувство юмора. Кроме того, ей льстило, когда забавные случаи из их жизни становились хитами в самых модных ситкомах. Но через восемь лет новизна выветрилась вместе с надеждой, что гонорары Мэтта смогут обеспечить им тот гламурный голливудский стиль жизни, которого так жаждала Ракель. Мэтт теперь работал на кабельном телевидении, что помогало оплачивать счета, но не более того.

- По какому поводу она стервозится на этот раз? - осведомилась Клер, сестра Мэтта, не слишком пылко любившая невестку.

- Не любит похорон, - соврал преданный Мэтт.

- Скорее всего отпугнула кого-то, собравшегося пролить вечный свет на НЕЕ. Побоялась, что все мы увидим шрамы от ее последней блефаропластики.

Мэтт ухмыльнулся. Он любил Клер. Правда, любил и жену, но постепенно приходил к болезненному осознанию того, что это чувство скорее всего не осталось взаимным.

После похорон, по дороге в Лос-Анджелес, Мэтт пытался навести мосты с Ракель.

- Я почти готов начать работу над новой идеей. Кое-что другое на этот раз. Документальный фильм.

В глазах жены мелькнул проблеск интереса.

- Документальный фильм? Для кого?

- Пока ни для кого, - признался Мэтт. - Мне никто ничего не заказывал. Я собираюсь предложить сценарий кое-кому...

Искорка в глазах жены погасла.

«Как раз то, чего нам не хватает, - подумала Ракель. - Еще один непроданный сценарий».

- Это о моем отце, - продолжал Мэтт. - Моем биологическом отце.

Ракель зевнула. По правде сказать, она совсем забыла, что Гарри Дейли не настоящий отец Мэтта. Гарри женился на матери Мэтта, когда тот был совсем маленьким, а Клер - грудным младенцем.

- Недавно я узнал, что он был убит более десяти лет назад.

Если он ожидал, что это сообщение может шокировать или заинтересовать Ракель, его ждало разочарование.

– В этом городе, Мэтью, людей убивают каждый день. Кто захочет целый час сидеть перед телевизором, чтобы узнать подробности кончины твоего никому не известного отца?

– В том-то и дело, – оживился Мэтт. – Он был весьма известным арт-дилером на Беверли-Хиллз. Знаменитым, по крайней мере в Лос-Анджелесе. И очень богатым.

Теперь ему удалось завладеть вниманием Ракель.

– Ты никогда не упоминал об этом раньше. Насколько богатым?

– Безумно. Речь идет о сотнях миллионов долларов.

– Сотнях миллионов? Господи, Мэтт! – ахнула Ракель, не обращая внимания, куда едет. – И что случилось со всеми этими деньгами?

– Перешли к его вдове, – пояснил Мэтт.

– Как, все?! А ты и Клер?

– Я и Клер? О, брось, милая! Мы не общались с ним больше тридцати лет.

– И что? – Зрачки Ракель возбужденно расширились. – Вы его дети, кровные родственники. Может, есть шанс опротестовать завещание?

– На каком основании? – рассмеялся Мэтт. – Он имел полное право оставить деньги, кому хотел. Но так или иначе ты упускаешь из виду самые пикантные подробности.

Ракель безуспешно попробовала вообразить что-то более пикантное, чем сотни миллионов, но вынудила себя слушать.

– Вдова, которой в то время было лет двадцать с лишним и которую жестоко изнасиловал убийца отца, отдала все денежки на детскую благотворительность. Все, до последнего цента. Самое большое пожертвование на благотворительные цели в истории Лос-Анджелеса. Правда, об этом почти никто не знает, потому что вместо того чтобы греться в лучах славы, девица через несколько недель после убийства прыгает в самолет и улетает неизвестно куда. Буквально исчезает с лица земли. Больше о ней никто не слышал. Потрясающе, верно? Не считаешь, что это классная история?

Плевать хотела Рабель на дурацкие истории Мэтта! Что это за мужчина, который пальцем не пошевелит, чтобы защитить свое право на многомиллионное состояние? Она вышла за кретина.

– Почему ты никогда не говорил об этом раньше? – спросила она с нескрываемым гневом.

Мэтт окончательно пал духом. Почему я вечно ее раздражаю?

– Если честно, я вроде как забыл об этом. Услышал несколько месяцев назад, но подумал, что отец расстроится, если я открыто буду этим интересоваться. Но теперь, когда Гарри умер, думаю, никому не повредит, если я займусь этой темой. Сейчас на телевидении очень модны биографические фильмы, а убийство и деньги всегда хорошо продаются.

Остаток пути прошел в молчании. К тому времени, как Дейли добрались до дома, родились две одержимости. Рабель была одержима многомиллионным состоянием. А Мэтт – так и не разгаданным убийством своего биологического отца Эндрю Джейкса.

В течение следующих месяцев, пока жена зря тратила время на консультации с адвокатами в поисках лазейки, которая могла бы помочь вернуть «их» состояние, каковым она теперь считала наследство Джейкса, то, что началось как сбор материалов для документального фильма, стало всепоглощающей целью жизни Мэтта Дейли. Днем он обходил библиотеки и галереи Лос-Анджелеса, жадно выуживая каждый клочок информации об Эндрю Джейксе, который только мог найти: его сделки, коллекции современного искусства, реестр владений, друзья, враги, знакомые, любовницы, интересы, домашние животные, проблемы со здоровьем, религиозные верования. По ночам,

запершись в кабинете, подобно отшельнику, Мэтт сидел в Интернете. Вскоре он перестал спать. Файл, обозначенный «Эндрю Джейкс», рос с каждым днем, в то время как немногие ниточки, еще связывавшие брак Мэтта и Ракель, истончались.

Наконец Клер Майклз стала тревожиться за брата.

– Чего ты надеешься всем этим достичь? – спросила она.

Стоявшая в кухне своего шумного дома с малышом на бедре и бутылкой томатного соуса в руке, окруженная веселым гомоном и беспорядком счастливой семейной жизни, Клер одновременно радовала и печалила Мэтта. Он был рад за нее и печалился за себя.

Неужели все было бы по-другому, будь у нас с Ракель дети?

– Я же говорил. Занят сценарием для документального фильма.

Клер скептически покачала головой.

– И как продвигается сценарий?

– Я еще не на стадии написания.

– И на какой же ты стадии?

– Собираю материал.

– Кому ты уже предложил идею?

– А ты кто такая? – рассмеялся Мэтт. – Мой агент?

Он пытался перевести все в шутку, хотя в душе знал, что сестра права. И все его друзья твердили то же самое. Тайна, окружающая убийство отца, становилась чем-то вроде наркотического пристрастия, опасной, пожирающей время привычкой, отвлекавшей его от семейных обязанностей, работы, «настоящей

жизни». Но как мог Мэтт отказаться от всего этого, когда полицейское расследование оставило столько дыр, столько вопросов, на которые не нашлось ответа?

Согласно официальным документам, Эндрю Джейкс был убит неизвестным взломщиком, профессиональным вором, неизвестно почему впавшим в бешенство. Никто так и не был арестован. В этом деле не нашлось даже подозреваемых. А вот его жена Анджела бесследно исчезла, как и драгоценности и коллекция миниатюр, украденные из дома той ночью. Ее адвокат Лайл Реналто, отвезший женщину в аэропорт, заявил, будто понятия не имел, куда она летит, и, очевидно, с тех пор ничего о ней не слышал. Полицейские много раз допрашивали его, но он так и не изменил показаний. Ходили слухи, что миссис Джейкс видели в Греции, но ничего определенного доказано не было. Дэнни Магуайр, детектив, которому было поручено вести расследование, вскоре уволился из полиции и покинул Лос-Анджелес, увозя с собой свои соображения и версии. Данные спермы человека, изнасиловавшего Анджелу Джейкс, больше не появлялись ни в одном деле. Как и несколько смазанных отпечатков пальцев, найденных на сцене преступления в доме 420 по Лома-Виста.

– Подумай только, эта пара жила в прекрасном особняке и мечтала о будущем, – вздохнул Мэтт. – А на следующий день – пух, и все исчезло. Дом, деньги, картины. Сама пара. И после убийства вдова прыгает в самолет и растворяется в воздухе.

– Да, Мэтт, я знаю эту историю, – терпеливо ответила Клер.

– Неужели она тебя не пугает? Сама идея, что все это... – Мэтт обвел жестом кухню, племянников, учебники, все детали полной, суматошной жизни Клер, – ...может завтра исчезнуть. Навсегда. Словно никогда ничего не было.

Клер долго молчала.

– Я беспокоюсь за тебя, Мэтт, – сказала она наконец. – Думаю, тебе нужно с кем-то поговорить.

Мэтт согласился. Ему действительно нужно с кем-то поговорить. Проблема заключалась в том, что тот, с кем ему следовало поговорить, жил в Лионе.

Глава 6

Он взглянул в зеркало заднего вида на мигающие синие огни и проверил скорость. Шестьдесят пять. Всего пять миль сверх допустимого, на почти пустом отрезке дороги в городском предместье.

Мелочные твари. Именно за подобные выходки лионская полиция заслужила скверную репутацию. Опустив окно, чтобы высказать сверххревному жандарму все, что он о нем думает, Дэнни, вместо того чтобы разразиться гневной тирадой, улыбнулся.

Жандармом оказалась женщина. Чрезвычайно привлекательная женщина. Рыжая – он питал слабость к рыжим, – с синими глазами и полной грудью, которую не мог скрыть даже казенный полицейский мундир.

– Куда спешите, мсье?

О, а голос! Низкий, грудной, из тех, что встречаются только у француженок. Идеальное дополнение!

– Собственно говоря, у меня свидание, – загадочно улыбнулся он.

– Свидание! Да неужели! – Густые брови цвета ржавчины взлетели вверх. – А что, она рассердится, если вы не появитесь прямо в эту секунду?

– Она уже рассержена. – Высунувшись в окно, он страстно поцеловал ее в губы.

– Когда ты сегодня приедешь к ужину, дорогой? – спросила жена, когда они наконец оторвались друг от друга.

– Как только смогу, крошка. Как только смогу, – ухмыльнулся Дэнни.

Четверть часа спустя он уже входил в штаб-квартиру Интерпола, опоздав на встречу. Дэнни надеялся, что не слишком задержится. Селин казалась такой

сексуальной в своем облегающем синем полицейском мундире, что было совершенно невозможно уехать от нее. Она была в мундире и в день их первой встречи и по-прежнему нравилась в нем Дэнни больше, чем в любой другой одежде.

В Лос-Анджелесе он никогда не встречался с женщинами, служившими в полиции. Но здесь, во Франции, все было по-другому. Он поселился здесь десять лет назад в погоне за тенью. Тенью Анджелы Джейкс. Но так и не нашел ее. Зато нашел Селин, любовь, французскую кухню и культуру, прекрасную карьеру и новую жизнь. Теперь Лион стал домом Дэнни, и он любил этот дом больше, чем когда-то считал возможным.

Но когда он только приехал сюда, все было по-другому. Дэнни ненавидел Францию. Потому что отождествлял ее с поражением. Своим поражением. Убийство Джейкса в 1997 году во многом было делом необыкновенным еще и потому, что оказалось первым и единственным провалом в карьере Дэнни Магуайра. Он так и не нашел убийцу Эндрю Джейкса, садиста-маньяка, изнасиловавшего его ослепительную жену.

Дэнни никогда не забудет то утро, когда приехал к Лайлу Реналто, взлетел по лестнице и откинул покрывало, обнаружив адвоката голого и в состоянии явного сексуального возбуждения. Негодяй смеялся над ним! Анджела пропала. Реналто со злорадным удовольствием сообщил ему об этом. По словам Лайла, потрясенная «агрессивным» допросом Магуайра, Анджела решила начать новую жизнь за океаном. Ссылаясь на долг адвоката по отношению к клиенту, Реналто упрямо и неизменно отказывался сообщить полиции необходимую информацию.

Примерно в это время начались первые контакты Дэнни с Интерполом. Роясь в базе данных Интерпола, созданной для того, чтобы помочь местным следователям искать подозреваемых по всему миру, он проследил путь Анджелы до Греции и принялся ежедневно бомбардировать письмами афинские власти, пытаясь разыскать ее. Ничего не вышло. Остальные версии вели в никуда. Пересыхали, как притоки пораженной засухой реки. Убийца Джейкса исчез, как и его жена и украденные драгоценности и миниатюры. Все, что осталось от супружеской жизни Джейксов, – это состояние Эндрю, которое благополучно осело (без всяких налогов) в сундуках двух детских благотворительных фондов, которые, естественно, были счастливы его принять.

Начальство Полицейского управления Лос-Анджелеса было смущено и сбито с толку, но безжалостно подавляло всякую возможность появления подробностей в деле Джейкса в прессе, якобы с целью предотвратить подобные преступления, на деле же стараясь спасти собственные шкуры. Дело было закрыто. Мотив – грабеж. Преступник неизвестен. Дэнни перевели из убойного в отдел по расследованию экономических преступлений и приказали забыть об Анджеле Джейкс, если хочет сохранить работу.

Но забыть он не смог. Как можно забыть это лицо, которое преследует его в снах? И он вовсе не хотел сохранить работу.

Уволившись, он потратил два года и почти все сбережения на путешествия по Европе в лихорадочных поисках Анджелы. И поскольку вел розыски частным порядком, столкнулся с полным нежеланием местных сил полиции помочь в розысках. Пришлось полагаться на бессовестных частных детективов, чтобы не сбиться со следа. Наконец угнетенный, расстроенный, разоренный, он оказался во Франции, где живший в Лионе знакомый по переписке сообщил, что в Интерполе есть вакансии, и предложил подать резюме.

Дэнни медленно строил заново свою разрушенную карьеру. Он был принят младшим сотрудником в ГРП (группу реагирования по расследованию преступлений) Интерпола и быстро заслужил репутацию блестящего оригинального мыслителя и стратега. Группе полагалось расследовать преступления в любой точке земного шара, появляясь на месте в течение двенадцати – двадцати четырех часов со времени совершения такового, чтобы помочь правоохранительным органам соответствующей страны. Способность быстро адаптироваться и так же быстро соображать, умение работать в команде в обстоятельствах спешки и в напряженной обстановке были ключом к успеху группы. Дэнни Магуайр обладал всеми этими качествами. Он заслужил восторженные похвалы за храбрость и умелые действия в расследовании убийств, совершаемых членами корсиканского преступного мира. Не многие иностранные копы могли бы разговорить людей из столь замкнутой общины, но Дэнни умел завоевывать сердца и умы и вскоре отправил в тюрьму пятерых предводителей банды. После этого было дело зарубленного топором арабского шейха из Северной Африки, которое, правда, было не так сложно раскрыть, поскольку убийца услужливо оставил отпечатки пальцев по всем апартаментам жертвы, и исчезновение королевы красоты в дебрях Венесуэлы. Девушка была любовницей русского нефтяного магната, и дело стало весьма выигрышным для Дэнни, который сумел быстро найти преступника. (Правда, для королевы

красоты все закончилось не так благополучно. Части ее тела были найдены в мешках для мусора в маракайском мотеле.)

Дэнни наслаждался работой и новизной жизни во Франции, чувствуя, как к нему медленно возвращается уверенность в себе. Встреча и брак с Селин стали сахарной глазурью на торте. Но несмотря на все победы и быстрое восхождение по карьерной лестнице, он так и не забыл Анджелу Джейкс.

Кем она была до замужества? Почему сбежала? Он точно знал, что спугнул ее не допрос, как утверждал Лайл Реналто. Должна быть другая причина. И что важнее всего, кто изнасиловал ее и убил ее мужа так жестоко, извращенно и подло? Очевидно, что официальная версия, по которой убийца внезапно слетел с катушек, не выдерживала никакой критики. Грабители, пришедшие за предметами искусства, не будут перерезать горло старику так яростно, почти отделив голову от тела!

Только Селин сумела убедить Дэнни бросить бесплодное расследование. Чувствуя, что муж испытывает к Андзеле нечто большее, чем профессиональный интерес, она прямо сказала, что чувствует угрозу себе.

– Она пропала, – со слезами шептала Селин. – Но я здесь. Неужели тебе недостаточно меня?

– Разумеется, достаточно, дорогая, – заверил Дэнни. – Ты для меня все.

Но много лет спустя Анджела Джейкс приходила к нему во сне и завораживала молочно-белой кожей и полными укора шоколадными глазами.

«Найди животное, которое это сделало».

Дэнни обещал, что найдет, но не сдержал слова. Животное все еще гуляло на свободе.

Однако постепенно Дэнни стал забывать. Его брак с Селин был безоблачно счастливым. Два месяца назад его назначили руководителем отдела реагирования по расследованию преступлений. Под его началом было двадцать восемь групп по всему миру, помогавших также и в чрезвычайных ситуациях.

Похоже, его жизнь прошла полный круг со времени убийства Эндрю Джейкса. Дэнни наконец был в мире с собой. В профессиональной и личной жизни.

И тут он получил первый e-мейл. В строке «тема» стояло всего два слова «Эндрю Джейкс». Кровь Дэнни застыла в жилах. Дейли почти ничего не рассказывал о себе, объяснив, что он «заинтересованная сторона» и что у него есть «новая информация» по делу, которую следовало обсудить лично с Дэнни. Решив, что пишет какой-то псих, Дэнни не ответил. Но письма продолжали приходить. Потом начались звонки в офис Дэнни. В любое время суток.

Наконец Дэнни ответил, сообщив мистеру Дейли, что мистер Дейли может передать имеющуюся информацию в отдел Лос-Анджелесской полиции по расследованию убийств. Но отделаться от Дейли было невозможно. Настаивая на том, что должен лично поговорить с Дэнни, Мэтт Дейли объявил, что на следующей неделе летит в Лион и не уйдет, пока Дэнни не согласится его принять.

Теперь, верный своему слову, он приехал сюда. Матильда, надежный секретарь Дэнни, позвонила час назад. «Блондинистый американский джентльмен» сидел у дверей офиса Дэнни, заявляя, что ему назначено и что у него срочное дело. Каковы будут распоряжения Дэнни?

Я хочу, чтобы ты вышвырнула его. Сказала, чтобы перестал напоминать мне об Анджеле Джейкс и убрался к черту из моей жизни.

– Передайте, что я уже еду. Но у меня не так много времени. Пусть изложит свое дело в нескольких словах.

– Мистер Дейли, – холодно поприветствовал его Магуайр, – пожалуйста, зайдите.

Офис Магуайра был большим и уютным. Мэтт знал, что бывший детектив сделал хорошую карьеру в Интерполе, но удивился, поняв, как высоко тот поднялся. Повсюду были расставлены и развешаны фотографии молодой рыжеволосой, удивительно красивой женщины.

Мэтт лениво поднял одну.

– Ваша жена?

Магуайр коротко кивнул.

– Какая красавица!

– Знаю. И она сейчас дома, ждет меня. – Дэнни неприязненно уставился на него. – Что я могу для вас сделать, мистер Дейли?

Сердце Мэтта учащенно забилось. Значит, никакой светской беседы. Он набрал в грудь воздуха.

– Вы можете вновь открыть дело об убийстве Эндрю Джейкса.

– И почему я должен это делать? – нахмурился Мэтт.

– Потому что обнаружены новые улики.

– Я уже объяснял вам, мистер Дейли, что вам следует предъявить их лос-анджелесской полиции. Это больше не мое дело. И не в моей юрисдикции его открывать.

– Вы Интерпол, – рассудительно заметил Мэтт. – В вашей юрисдикции весь мир, не так ли?

– Все не так просто, – пробормотал Дэнни.

– А я думаю иначе, – возразил Мэтт, подавшись вперед и сверля Дэнни взглядом. – Плевать хотела полиция на все это. Они закрыли дело и сдались. Поэтому вы и уволились.

Дэнни не ответил. Трудно с этим спорить.

От следующих слов Дейли он похолодел.

– Что, если я скажу, что произошло еще одно убийство?

Дэнни вынудил себя говорить спокойно:

– В мире происходит много убийств, мистер Дейли. Каждый час каждого дня. Мы, люди, – жестокие существа.

– Не простое убийство. – Мэтт полез в портфель, вытащил толстую папку и шлепнул ее на стол. – С точно такими же отягчающими. Жестокое убийство старика, молодая жена изнасилована, оставляет все деньги на благотворительность, потом исчезает.

Во рту у Дэнни пересохло. Он коснулся папки дрожащими руками.

Неужели это правда? Прошло столько времени, а животное снова наносит удар?

– Где? – едва слышно выдавил он.

– В Лондоне. Пять лет назад. Имя жертвы – Пирс Хенли.

Глава 7

Лондон, 2001 год

Честер-сквер находится в сердце Белгравии, почти рядом с фешенебельной Элизабет-стрит. Ее классические белые оштукатуренные дома расположены вокруг очаровательного частного парка. В углу площади под большим конским каштаном безмятежно пристроилась церковь Святого Марка, старинные медные колокола которой отбивают каждый час, лишая обитателей необходимости смотреть на свои часы «Патек Филипп». С улицы дома на Честер-сквер казались большими и уютными. На деле все было не так. Они огромны и больше напоминают дворцы.

В Белгравии любят повторять банальную фразу, что ни один англичанин не может позволить себе жить на Честер-сквер. И как большинство банальностей,

это правда. Роман Абрамович, российский олигарх, владелец футбольного клуба «Челси», купил здесь дом, прежде чем сбежать с молодой любовницей и оставить владение жене. За эти годы соседями миссис Абрамович стали две голливудские кинозвезды, прославленный игрок французской футбольной команды, швейцарский основатель самого большого хедж-фонда[4 - Фонд по управлению ценными бумагами с высокой степенью риска.] в мире, греческий князь, индийский магнат – производитель программного обеспечения. Владельцами остальных домов были американские инвестиционные банкиры.

Один из банкиров, расстроенный крупными потерями, сунул дуло существующего всего в нескольких экземплярах пистолета «Берса Тундер» в рот и спустил курок. Его наследники продали дом британскому баронету. Вот так сэр Пирс Хенли стал первым за двадцать пять лет англичанином, купившим дом на Честер-сквер.

Он также стал первым человеком, которого убили в этом квартале.

Детектив-инспектор Уиллард Дрю из Скотленд-Ярда подал женщине чашку сладкого чая, стараясь не глазеть на ее полные, чувственные губы. Под полураспахнутым махровым халатом ясно выделялись кровавые подтеки на бледных, покрытых редкими веснушками бедрах. Насилие было невероятно жестоким. Но не таким жестоким, как убийство.

Пока инспектор Дрю расспрашивал женщину внизу, его люди возились в спальне, соскребая мозги ее мужа с персидского ковра. Хозяйская спальня выглядела как только что нарисованная картина Джексона Поллока. Здесь произошел взрыв ярости, животного безумия, подобного которому детектив-инспектор никогда раньше не видел. Для всего этого было только одно слово: бойня.

– Мы можем сделать это позже, мэм, если напряжение для вас слишком велико. Возможно, когда вы оправитесь от шока?

– Я никогда не оправлюсь, инспектор. Так что лучше сделать это сейчас.

Говоря все это, она в упор смотрела на него, отчего инспектору стало не по себе. «Красавица» было довольно слабым определением для этой миниатюрной

рыжеволосой женщины. Она была сексапильна. Просто излучала чувственность. И при этом была настоящей леди, обладавшей сливочной, бархатной кожей и трепетной беззащитной женственностью. Единственным, что выпадало из общей картины, был голос. Под четырехсотдолларовым махровым халатом от Фретте скрывалась истинная кокни.

– Если вы уверены, что можете вести беседу, можно уточнить основные детали.

– Я готова.

– Полное имя усопшего?

Леди Трейси Хенли глубоко вздохнула.

– Пирс... Уильям... Артур... Ганнинг... Хенли.

Пирс Уильям Артур Ганнинг Хенли, единственный сын покойного сэра Реджинальда Хенли, родился в семье землевладельца, имевшего скромное состояние. К своему тридцатому дню рождения он стал одним из богатейших людей Англии.

Так и не достигший заметных успехов в учебе (заведующий пансионом при Итоне очень точно описывал его как «очаровательного бездельника»), Пирс имел прекрасный деловой нюх и хватку. И мог точно предсказать, когда та или иная компания начнет разоряться и как далеко зайдет падение. Он купил первую такую компанию, маленькую провинциальную брокерскую контору в Норфолке, когда ему исполнилось двадцать два. Все, включая его отца, посчитали, что он спятил. Когда Пирс три года спустя продал бизнес, фирма владела офисами в Лондоне, Манчестере, Эдинбурге и Париже и в тот год принесла прибыль в двадцать восемь миллионов фунтов.

Для Пирса успех был невелик, но очень важен. Потому что научил его доверять собственной интуиции. А также подстегнул аппетит к риску – хорошо рассчитанному риску. За последующие тридцать пять лет Пирс купил и продал более пятнадцати фирм и оставил только две – свой хедж-фонд «Хенли инвестментс» и «Джессопс», сеть дорогих ювелирных магазинов, бренд, возрожденный Хенли, поскольку работы ювелиров превосходили изделия «Графф-Эспри». Он также заполучил землю, от которой позже избавился, жену

Кэролайн и двух детей: дочь Анну от жены и сына Себастьяна от любовницы. Дети и их матери жили в больших домах и получали щедрое содержание. Но у Пирса не было ни времени, ни склонности жить спокойной семейной жизнью. Кроме того, он совершенно не интересовался тем, что окружающие называли романтическими отношениями.

По крайней мере до шестидесяти лет, когда случайная встреча с молодой женщиной по имени Трейси Стоун навсегда изменила его жизнь.

Для празднования юбилея сэра Пирс (он унаследовал титул баронета за месяц до этого, после смерти отца) снял закрытый зал Граучо-клуб в Сохо. Мекка лондонских успешных журналистов и литераторов, Граучо был эксклюзивным клубом, сохранявшим, однако, намек на чисто английскую атмосферу, так ценимую Пирсом. Это напоминало ему о детстве, о поблекшем величии Кингемхолла, фамильного поместья Хенли, где на стенах висели картины Констебла и Тернера, но отопление работало плохо, а на коврах зияли проеденные молью дыры.

Сэр Пирс Хенли одобрил место, но был расстроен списком гостей, составленным Джейми, его секретарем. Оглядывая все тех же промышленных и финансовых магнатов, сопровождаемых либо первыми женами с застывшими, словно замороженными лицами, либо прекрасными, но алчными вторыми женами, Пирс уныло думал: «Когда все успели так постареть? Стать такими занудами»? Когда он променял настоящих друзей на этих? Деловых знакомых и нужных людей?

Но тут его размышления грубо прервали: официантка пролила ему на ширинку горячий суп из омаров. До конца жизни сэра Пирс Хенли носил на внутренней стороне бедер красные пятна от ожогов. И каждый раз, глядя на них, благодарил свою счастливую звезду.

Этот день был первым днем работы Трейси Стоун в качестве официантки. Когда сэра Пирс с воплем вскочил, Трейси упала на колени, расстегнула его ремень и стянула с него брюки быстрее, чем девушка по вызову, после чего, не спрашивая разрешения, стащила трусы и опрокинула на голые гениталии баронета кувшин ледяной воды. Ощущение было чудесным. И тот факт, что он стоял посреди Граучо-клуба перед половиной лондонского общества голым, как младенец... казался еще более чудесным.

Несмотря на жгучую боль в ногах и паху, сэр Хенли осознал, что в этот момент чувствует себя более живым, чем за последние пятнадцать лет. Он только что молился о возвращении юности, жизни, волнения – и вот оно! К нему на колени падает такая красавица!

Вернее, эта красавица полила его колени огненным супом, но к чему уточнять, тем более поднимать шум? Он был в полном восторге.

Трейси Стоун было около тридцати. Короткие рыжие вихры, темно-карие глаза и худенькая мальчишеская фигурка, выглядевшая непристойно сексуальной в черной с белым униформе официантки. Она была похожа на живую спичку, готовую его поджечь!

И Трейси его подожгла.

Когда она согласилась на свидание, подруги посчитали ее спятившей.

– Ему девяносто девять лет, Трейси.

– Он старый и толстый!

– С «петушком», поджаренным благодаря тебе как коктейльная колбаска.

– Омерзительно!

Друзья Пирса тоже были возмущены.

– Старик, она моложе твоей дочери!

– Она официантка, Пирс, причем плохая.

– Она обдерет тебя как липку!

Но ни тот ни другая не слушали. Трейси и Пирс точно знали, что друзья ошибаются. Трейси не интересовали деньги Пирса. А Пирс плевать хотел на то, что родители Трейси были чистокровными кокни. Она оживила ту часть его

души, которую он считал давно умершей. И по мере того как ожоги в паху заживали, Пирс не мог думать ни о чем другом, кроме как о том, чтобы затащить Трейси в постель.

На первом свидании Пирс повел Трейси на ужин в «Айви». Пока им подавали восхитительно вкусные блюда, они болтали и смеялись, но потом Трейси чмокнула Пирса в щеку, прыгнула в черное такси и исчезла.

Второе свидание прошло в театре. И это было ошибкой. Трейси скучала. Пирс скучал. Трейси снова взяла такси, и Пирс подумал, что потерял девушку.

На следующее утро ровно в семь в дверь квартиры Пирса на Кэдоган-Гарденз позвонили. Это была Трейси. С чемоданом.

– Хочу кое-что спросить. Ты голубой? – выпалила она.

Пирс устало потер глаза.

– Я... что?! Нет, я не голубой. С чего ты взяла?

– Ты любишь театр.

– И это все? – расхохотался Пирс. – Это ты считаешь доказательством?

– Ну, еще и что ты ни разу не попытался меня трахнуть.

Пирс уставился на нее, не веря своим глазам.

– Ни разу не пытался... Господи, женщина, ты не позволяла и на милую к себе подойти. И кстати, я терпеть не могу театр.

– Почему же повел меня туда?

– Пытался произвести впечатление.

– Не получилось.

– Я заметил. Трейси, дорогая, я больше всего на свете хотел бы трахнуть тебя, как ты поэтически выражаешься, но ты мне не дала ни шанса.

Протиснувшись мимо него в переднюю, Трейси уронила чемодан и захлопнула дверь.

– Я даю тебе шанс сейчас.

Такого с Пирсом еще не бывало. Шелковистые волосы, мягкая плоть, пышные груди и влажные, теплые восхитительные глубины, жаждавшие его. Такого у него не было ни с одной женщиной. Он немедленно сделал предложение.

Трейси рассмеялась:

– К чему спешить? Я не из тех, кто спешит в капкан.

– Я тоже, – честно ответил Пирс.

– Почему же предлагаешь? Перестань просить меня делать то, что самому тебе не нравится. Дурная привычка.

– Я попросил потому, что хочу тебя. А я всегда получаю то, что хочу.

– Ха! Это факт? Только не в этот раз, ваша милость, – вызывающе бросила Трейси. – Я не согласна.

Даже если покрыть Трейси платиной, Пирс не смог бы любить ее больше.

Они поженились через шесть недель.

Первые восемнадцать месяцев Хенли были безумно счастливы. Пирс, как обычно, занимался делами. А Трейси в отличие от других его женщин никогда не жаловалась на то, что он задерживается на работе, или на его привычку отвечать на звонки посреди ужина. Пирс понятия не имел, как убивает время жена. Сначала он предполагал, что Трейси опустошает магазины, но, судя по

ежемесячным отчетам «Америкэн экспресс», она почти ничего не тратила, несмотря на безлимитную платиновую карту и щедрое содержание.

Однажды он спросил ее:

- Что ты делаешь, пока я сижу в офисе?

- Снимаюсь в порнофильмах, - ответила она не задумываясь. - По понедельникам, средам и пятницам. Во вторник - вооруженное ограбление. Четверг - выходной.

Пирс ухмыльнулся, посчитав себя счастливейшим в мире человеком, и отнес ее в постель.

Трейси была идеальным сексуальным партнером, всегда готовая на все, всегда изобретательная. Никогда не требующая секса в те вечера, когда он был чересчур озабочен или слишком уставал. Единственным облаком на их супружеском горизонте было то обстоятельство, что Трейси, по ее словам, не могла иметь детей.

- Боюсь, тут ничего не поделаешь. Мое снаряжение сломалось, - деловито сообщила она.

- Какая именно часть снаряжения?

- Не знаю. Целиком. А что? Разве ты не слишком стар, чтобы менять пеленки?

Пирс рассмеялся:

- Не я же буду их менять! Кроме того, ты не настолько стара. Неужели не хочешь иметь ребенка?

Трейси не хотела, но сколько бы ни повторяла это, муж ей не верил. Весь следующий год Пирс таскал молодую жену к специалистам по бесплодию, подвергая обследованию за обследованием, но ничего не помогало. Полный решимости «думать позитивно», он купил большой семейный дом в Белгравии, нанял в Париже дизайнера интерьера и велел оформить детские: одну для

девочки, одну для мальчика и одну в нейтральных желтых тонах.

– А это для чего? На случай, если рожу кролика или кого-то еще? – поддела его Трейси.

Она вспомнила, что он сказал в ту ночь, когда сделал ей предложение. «Я всегда получаю то, что хочу». К несчастью, сэр Пирс Хенли, похоже, встретил достойного соперника в лице матери-природы.

– Ваши дети... – Детектив-инспектор Уиллард Дрю оторвал глаза от груди Трейси, соблазнительно упакованной в персиковое кружево лифчика от «Ла-Перла». У леди Хенли были поразительные формы для столь стройной женщины, и ей, казалось, стоило большого труда держать халат туго подпоясанным. – Они сегодня не ночевали дома?

Ее прекрасное лицо затуманилось.

– У нас нет ребятишек. Все дело во мне. Я не смогла.

Инспектор покраснел.

– О, мне так жаль! Я видел спальни наверху и предположил...

Трейси пожала плечами.

– Ничего. Каждый бы на вашем месте так подумал. У вас еще есть вопросы?

– Всего один.

Она и так помогла ему, дав детальное описание украденных драгоценностей, – а леди Хенли разбиралась в драгоценностях: оправы, караты, чистота, – и насильника. Он был в маске, так что она не видела его лица и описала его лишь как сильного приземистого мужчину со шрамом на тыльной стороне левой ладони, низким голосом и «иностранным» акцентом, происхождение которого она не смогла установить. Учитывая то, что ей пришлось перенести, она многое запомнила. И была уверена, что раньше никогда с ним не встречалась.

– Вопрос нетактичный. Но не было ли у вашего мужа врагов? Кого-то, кто мог бы затаить на него зло и попытаться отомстить?

Трейси рассмеялась раскатистым задорным смехом официантки, и инспектор подумал, как занятно, должно быть, жениться на такой. Несколько часов назад сэр Пирс Хенли считал себя одним из счастливейших людей на земле.

– Всего несколько тысяч. У моего мужа было больше врагов, чем у Гитлера.

– Как это? – нахмурился инспектор.

– Пирс был богатым человеком, который сам себя сделал. У него был хедж-фонд, верно? Никто не любит владельцев хедж-фондов. Ни типы, которые на них работают, ни партнеры, ни конкуренты, ни даже инвесторы, сколько бы чертовых денег вы им ни принесли. Это мир, в котором человек человеку волк, инспектор, а Пирс был гребаным волчарой вот с такими зубами! – В словах Трейси звучала гордость. – Люди ненавидели его. Таких много. Тот тип, которого он надул, чтобы купить это место, торговец машинами, которому он не заплатил за «астон». Потому что ему не понравилось, как тот парень на меня смотрел. Все, желавшие вступить в «Уайтс», против которых он проголосовал. Список выйдет длиной в милю. Есть еще бывшая жена. Бывшая любовница. Нынешняя любовница, насколько я знаю.

Мысль о том, что человек, женатый на Трейси Хенли, мог искать сексуальных развлечений на стороне, инспектор посчитал совершенно невероятной. По словам Трейси, ей было тридцать пять, хотя выглядела она на десять лет моложе.

– У Пирса была целая армия врагов, – продолжала та. – И один-единственный настоящий друг.

– Вот как? И кто это?

– Я!

Впервые за эту ночь Трейси Хенли дала волю слезам.

Глава 8

Дэнни Магуайр поднял глаза от папки с таким видом, словно увидел призрак. Последние двадцать минут он читал молча.

– Как вы узнали об этом деле?

Мэтт пожал плечами.

– Прочитал в Интернете. Интересовался делом Джейксов и наткнулся на это. Убийство Хенли наделало большого шума в Лондоне. Об этом кричала вся пресса.

– Почему вы так интересуетесь делом Джейксов, мистер Дейли? – не выдержал Дэнни. – В своих письмах вы ничего об этом не говорили.

– Я писатель. Меня интересуют вопросы, на которые не нашлось ответа.

Дэнни с подозрением прищурился.

– Журналист?

– Нет-нет, сценарист. Телевидение. В основном комедии.

Дэнни, естественно, удивился. И, кивнув в сторону папки, заметил:

– По-моему, тут мало веселого.

– Мало, – согласился Мэтт. – Но у меня личная заинтересованность. – Эндрю Джейкс был моим отцом.

Дэнни был поражен. Так у Джейкса были дети?!

Он порылся в памяти. Конечно, за десятки лет до встречи с Анджелой Эндрю женился. Один из младших членов его команды проверял эту версию, но, очевидно, посчитал ее несущественной. Был ли там ребенок? Вполне мог быть...

– Я совсем его не знал, – пояснил Мэтт. – Джейкс и мать развелись, когда мне было два года. Отчим усыновил и вырастил меня и сестру Клер. Но биологически я Джейкс. Не видите семейного сходства?

Дэнни вдруг увидел почти отрезанную, гротескно болтающуюся седую голову Джейкса и вздрогнул.

– В общем, нет.

– Когда я узнал, что отец был убит, меня разобрало любопытство. А когда стал читать подробности дела, подсел на него, как на иглу. Вы же знаете, как действуют на людей неразгаданные тайны!

– Вы правы, – признал Дэнни.

Как же больно! Этот парень кажется славным, но он исполнен такого рвения, как лабрадор, которому бросили палку. Вряд ли он был бы так счастлив, если бы видел кровавую бойню в спальне. Связанные толстой веревкой голые тела. Голову Джейкса, свисающую с шеи, как йо-йо на веревочке...

– Когда я прочитал о деле Хенли, пытался связаться с вами, но узнал, что вы уехали из Лос-Анджелеса. Попробовал обратиться в Скотленд-Ярд, но они вовсе не рвались мне помочь. Не хотели иметь дело с психованным американским писателем, как, впрочем, и лос-анджелесская полиция.

Мэтт снова улыбнулся, и Дэнни подумал, какое у него теплое открытое лицо.

– Вы, копы, умеете сомкнуть ряды, когда дерьмо попадает в вентилятор и грозит забрызгать все вокруг.

Дэнни мысленно согласился с ним, особенно когда вспомнил, как просил помощи в поисках Анджелы Джейкс до того, как стал работать в Интерполе. С тех пор, казалось, прошла целая жизнь.

– Так или иначе мне пришлось потрудиться, чтобы вас найти. Не поверил глазам, когда узнал, что вы в Интерполе и можете мне помочь.

Дэнни нахмурился.

– Давайте не будем забегать вперед. Я согласен, что в этих делах есть определенное сходство. Но для того, чтобы мой отдел включился в работу, необходимо, чтобы нас попросил об этом один из руководителей полиции страны.

Мэтт взволнованно подался вперед.

– Мы говорим не о простом сходстве. Эти два дела похожи, как две капли воды. Обе жертвы были богатыми старыми людьми, имевшими молодых жен. Обе жены были изнасилованы и избиты. Обе странным образом исчезли почти сразу после убийств. Оба состояния перешли благотворительным фондам. Никаких следов. Никаких преступников.

Дэнни стал задыхаться.

– Если и так, – пробормотал он, цепляясь за соломинку, – это вполне может оказаться совпадением.

– Черта с два! Этот тип даже веревки, которыми связывал жертв, стянул тем же узлом, что и в первый раз.

Двойной выбленочный.

Дэнни обхватил голову руками. Этого быть не может! Через десять лет?!

– Послушайте, я знаю, что вы обязаны следовать определенным правилам, – продолжал Дейли. – Протокол и все такое. Но этот маньяк по-прежнему бродит на воле. Мало того, – объявил он, выкладывая козырную карту, – он во Франции.

– То есть как?! – вскинулся Дэнни. – Откуда вы можете это знать?

Мэтт откинулся на спинку стула.

– Всего два слова, – уверенно ответил он. – Дидье Анжу.

Глава 9

Сен-Тропез, Франция, 2005 год

Люсьен Дефорж упругой походкой шел по улице Мираж. Жизнь, решил он, прекрасна. В Сен-Тропезе стоял роскошный весенний день. Повсюду замечались признаки скорого наступления лета. По обе стороны дороги, идущей от Ла-Рут-Де-Плаг к знаменитому «Клубу 55», на кустах лавра взрывались розовые бутоны, свешиваясь, подобно цветочным фонтанам, с чисто выбеленных оград домов. Люсьена всегда поражали эти ограды, совершенно не соответствующие богатству высившихся за ними особняков, внутри которых царила роскошь, какую только можно купить за деньги.

Люсьен направлялся в один из таких особняков, тот, который местные жители считали самым богатым, – виллу «Парадиз». Сам Люсьен считал это название ужасным. «Вот и говори о вульгарности, – думал он. – Но чего еще ожидать от бывшей кинозвезды и кумира публики, уличного мальчишки из Марселя, сделавшего фантастическую карьеру? Уж, конечно, не хорошего вкуса!»

Вилла «Парадиз» принадлежала одному из клиентов Люсьена. Одному из лучших, наиболее выгодных, самых важных клиентов. Признаться, с ним было не так легко. Его постоянные связи с организованной преступностью (парень рос в среде мелких марсельских мафиози, со склонностью к вымогательству, мошенничеству или чему похуже) были многолетней головной болью Люсьена, как и полная неспособность клиента держать штаны накрепко застегнутыми или хотя бы надежно упаковывать свой придаток в изделия из латекса. Но Люсьен Дефорж был бракоразводным адвокатом, а развод – единственное, что умел делать владелец виллы «Парадиз», – дорого, публично и раз за разом.

За утренним кофе в «Горилл» Люсьен громко рассмеялся, поняв, что забыл, сколько именно разводов этого клиента он устроил. Четыре или пять? Или пять вместе с этим? Люсьен получил столько денег в виде гонораров, что потерял

счет. Бог благословляет любовь!

Набрав знакомый код на домофоне, Люсьен стал мысленно подсчитывать, сколько ему причитается с этого дела. Брак длился всего несколько месяцев, так что прибыль на этот раз будет не так велика.

Если бы только старый козел умудрился зачать от нее ребенка. Тогда дельце было бы выгодным.

Но когда ворота открылись и металлически-синий «мерседес» подмигнул на солнце, как лазурная мечта, Люсьен напомнил себе, что не стоит смотреть дареной лошади в зубы. Главное, что Дидье Анжу разводится. Снова! Прекрасный выдался денек!

Супружеская жизнь началась чудесно. Это было очень странно, учитывая, что остальные браки Дидье Анжу начинались более чем скверно.

Сначала была Люсиль. Ах, красотка Люсиль! Как он хотел ее! Как страдал! В то время Дидье было двадцать, и он получил главную роль в своем первом фильме «Между простынями», где именно и жаждал оказаться вместе с Люсиль Камю. Люсиль было сорок четыре, и она была замужем. Играла роль матери Дидье. Режиссер умолял ее согласиться на роль. Он всегда питал слабость к Люсиль. Возможно, потому и женился на ней.

В 1951-м Жан Камю был самым влиятельным человеком во французском кино. Он был парижским Уолтом Диснеем, Луисом Б. Мейером Старого Света, человеком, который мог создать или разрушить карьеру молодого актера кивком лысой головы или подергиванием седеющих усиков. Жан Камю лично утвердил Дидье Анжу на главную роль в фильме, выдернув красивого мальчика со смоляными волосами и черными глазами из полной неизвестности и перенеся в сказочный мир славы и богатства, лимузинов, роскоши... и Люсиль.

Уже позже, десятилетия спустя, Дидье утешал себя тем, что выбора у него фактически не было. Люсиль Камю была богиней с телом, достойным поклонения, – нет, требовавшим поклонения. Эти большие груди, непристойно полные, всегда приоткрытые губы, искушающие, манящие... Дидье Анжу просто не мог не соблазнить Люсиль Камю, как не мог не дышать. Она была самой силой

природы!

Конечно, если бы он вовремя остановился, все могло бы сложиться лучше, чем сложилось. К несчастью, через три недели после начала романа Люсиль залетела.

- Не вижу проблемы, - оборонялся сбитый с толку Дидье, уклоняясь от очередного предмета посуды, который взбешенная Люсиль послала ему в голову. - Милая, пожалуйста, просто скажи, что он от Жана. Кто узнает?

- Все узнают, кретин, дебил, идиот!

Дидье снова отскочил. Очередная тарелка едва не перебила ему трахею.

- Жан бесплоден!

- Ох!

- Именно, ох!

- В таком случае тебе просто нужно от него избавиться.

Люсиль пришла в ужас.

- Аборт? Кем ты меня считаешь? Чудовищем?

- Но, милая, будь благоразумной.

- Никогда! Нет, Дидье! Есть только одно решение! Ты должен на мне жениться.

Развод четы Камю стал главной темой разговоров в Каннах. Люсиль на большом сроке беременности вышла замуж за свою игрушку - любовника. Несколько чудесных месяцев Дидье наслаждался славой. Но потом ребенок умер, Жан Камю принял убитую горем Люсиль обратно, и киношники дружно сомкнули ряды вокруг примирившихся супругов. Следующие восемь лет, до смерти Жана, Дидье Анжу не брали даже в рекламу стирального порошка. В кино Франции ему

не было места. В двадцать три года он снова стал никем.

Только в тридцать лет дела стали налаживаться. Дидье женился второй раз на Элен Марсо, прелестной, невинной, богатой наследнице из Тулузы. Элен была девственницей и отказывалась переспать с Дидье до свадьбы, что вполне устраивало того. Он трахал все, что движется, в ожидании часа, когда завладеет тугой «киской» Элен заодно с ее тугой мощной. Кто мог просить большего?!

Свадьба была вершиной всего, счастливейшим днем в жизни Дидье. Пока не настала ночь и Дидье, оказавшись в вожделенной постели, наконец обнаружил, почему жена так упорно сопротивлялась добрачному сексу. Оказалось, что у бедняжки Элен были уродливо деформированные гениталии – тайна, которую она все это время свято хранила. Все ее сопротивление было притворством! Сука поймала его в сети!

Брак был обречен с самого начала, но Дидье оставался с Элен пять лет. Естественно, он постоянно ей изменял, растратил все ее состояние до последнего су, вкладывая деньги в производство фильмов, где играл главные роли. Элен знала, что вытворяет муж, но слишком любила его, чтобы протестовать. Дидье умел воздействовать на женщин. Каждый день Элен истово молилась, чтобы Дидье увидел свет и ответил на ее любовь, несмотря на ее физические недостатки. Но этого не произошло. В тридцать пять, знаменитый во второй раз в жизни и богатый впервые, Дидье наконец бросил Элен, вновь став завидным женихом.

Следующей его женой стала Паскаль, очередная богатая наследница, которая принесла Дидье громадное состояние и двух сыновей, но к, сожалению, возымела абсолютно категоричное мнение по поводу его внебрачных забав.

Одна из таких забав, Камилла, стала четвертой мадам Анжу в тот год, когда Дидье исполнилось пятьдесят. На тридцать лет младше, ослепительно красивая, известная топ-модель своего времени, Камилла напоминала Дидье его самого в таком возрасте: физически совершенная, эгоистичная, амбициозная, ненасытная.

Это был брак, заключенный на небесах. Но через три года Камилла переспала с сыном Дидье, тинейджером Люком. Дидье с помощью Люсьена Дефоржа выгнал обоих без единого су и поклялся больше не жениться, после чего удалился в

Сен-Тропез, где стал легендой из-за своего тщеславия, а особенно из-за огромной коллекции волосяных накладок, которые он держал в особой гардеробной на вилле «Парадиз», к искреннему веселью русских проституток, регулярно согревавших его постель. Никто, а меньше всех адвокат, не ожидал, что Дидье Анжу захочет вновь надеть брачные цепи.

Но четыре месяца назад старый развратник женился снова. Ни с того ни с сего. Тайно. На русской, о которой никто из его друзей не слышал. Которую никто не видел. Звали ее Ириной Минченко, и, по общему мнению, она была из тех самых русских шлюшек и каким-то образом околдовала Дидье, заманив в сети брака и вынудив жениться.

Общее мнение было ошибочным. В свои тридцать с лишним, прекрасно воспитанная и образованная, Ирина имела немалые собственные средства. Даже будь бедной, она все же была слишком красива и умна, чтобы податься в шлюхи. Со дня их первой встречи на домашней вечеринке в Раматуэль Дидье влюбился по уши.

Медовый месяц новобрачные провели на Таити, в уединенном пляжном коттедже. Дидье впервые в жизни не хотел, чтобы папарацци его преследовали. Он сказал Люсьену, к этому времени ставшему его другом:

– Ирина слишком дорога мне, чтобы делить ее со всем миром. Когда кто-то смотрит на нее, все равно, мужчина или женщина, я готов их убить. Она сводит меня с ума.

«Что бы Ирина с ним ни делала, все кончено», – цинично подумал Люсьен, входя на уединенную заднюю террасу дома. Ровно через две недели после медового месяца Дидье позвонил ему, буквально завывая от бешенства и ярости.

– Я хочу развода! – вопил он в трубку. – Хочу вышвырнуть эту суку! Не дам ей ни единого чертова су!

Это было вчера вечером. Оставалось надеяться, что к утру Дидье немного успокоится. Да и слишком ранний час для скандала.

К несчастью, стоило Люсьену войти через стеклянную дверь в гостиную, воздух сотрясли поистине оглушающие вопли. Только принадлежали они не Дидье.

Он даже не понял, что слышит собственный голос.

Глава 10

Дэнни Магуайр долго смотрел на Мэтта Дейли. Вернее, не столько на него, сколько в пространство. Просто искреннее, полное надежды лицо Мэтта оказалось в поле зрения.

Конечно, Дэнни знал об убийстве Дидье Анжу. Как все во Франции, видел по телевизору и читал в газетах. Все, от «Монд» до «Фигаро», печатали статьи о красочном романтическом прошлом Анжу и гадали, какой обманутый муж или недовольный кредитор заказал убийство престарелого распутника. Но о последней жене кумира почти не писали, сообщали только, что она русская и, кажется, вернулась на родину после убийства. Дэнни ничего не слышал об изнасиловании. И так и сказал Мэтту.

– Официальная жалоба так и не была подана, – согласился тот. – Но блоги просто взрываются слухами о том, что киллер изнасиловал мадам Анжу и что парень, который обнаружил случившееся, нашел обоих привязанными друг к другу. Беда в том, что спросить некого. Вдова исчезла.

– Да. Но она вернулась в Россию. Не испарилась, как другие.

– Так пишут газеты, – пожал плечами Мэтт. – Но кто знает правду? Тамошняя полиция так продажна, что чикагская мэрия по сравнению с ней кажется Корпусом мира.

Дэнни невесело рассмеялся, полный дурных предчувствий. Если убийца Эндрю Джейкса действительно где-то рядом, раз за разом повторяя ужасные преступления, значит, две смерти невинных людей на совести Дэнни Магуайра. А вдовы? Прекрасные молодые женщины, которые исчезают так вовремя для убийцы, через две недели после преступления? Если они тоже мертвы, значит, и их кровь на его руках. Этот человек, это животное все больше смелеет с каждым удачным убийством. Дэнни не может просто так умыть руки и ничего не делать, позволив ему снова нанести удар. С другой стороны, он сказал Мэтту Дейли

правду. И дело не только в нежелании вновь беречь старые раны и расстраивать Селин. Пока местная полиция официально не затребует помощи Интерпола, Дэнни ничего не сможет сделать.

– Мы не можем быть уверены, что это тот же человек. Я ничего не знаю о сэре Пирсе Хенли. Но Дидье нажил целую очередь врагов, жаждущих его смерти.

– Согласен. Мы не можем быть уверены, – кивнул Мэтт. – Поэтому и следует вновь открыть дело. Или начать новое по всем трем убийствам. Мы многого не знаем. И я нюхом чую, что это один тип, спятивший гребаный псих, и мы подбираемся все ближе.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Полицейское управление Лос-Анджелеса (от англ. LAPD). – Здесь и далее примеч. пер.

2

Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе.

3

Одна из героинь бондианы «Из России с любовью», охотившаяся на Бонда.

4

Фонд по управлению ценными бумагами с высокой степенью риска.

Купить: https://tellnovel.com/begshou_tilli/sidni-sheldon-angel-t-my

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)